

НАШИ • ТАМ

НАТАЛИЯ НЕСТЕРОВА
НЕКРОМАНТ
ПРИСЯГА

Наши там (Центрполиграф)

Наталия Нестерова
Некромант. Присяга

«Центрполиграф»

2015

Нестерова Н. П.

Некромант. Присяга / Н. П. Нестерова — «Центрполиграф»,
2015 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-05556-9

Ксения, или Ники, штатный редактор и экстрасенс газеты «Пифия», решила, что молодой автор, явившийся в редакцию с весьма ординарной рукописью и представившийся Мерлином, – обыкновенный болтун. Его сообщение о том, что древнее зло вырвалось из склепа, не произвело на нее впечатления. Однако все оказалось не так просто, Ники это поняла, когда прибежала на зов шефа в его кабинет и увидела несостоявшегося автора в бесчувственном состоянии приклеенным эктоплазмой к потолку. С помощью своего Дара Ники проникла в сознание «Мерлина» и узнала, что он сказал правду. Расследование привело Ники и ее друзей в дрянной дом, где их ждала страшная находка...

ISBN 978-5-227-05556-9

© Нестерова Н. П., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталия Петровна Нестерова

Некромант. Присяга

Роман

– Ники, зайди!

Кому же понравится окрик шефа, то есть господина издателя, прямо с утра в понедельник?...

Игорь Владленович, человек стопроцентно без малейших признаков парапсихологического чутья, нервно обтирал лысину салфетками. Я знала, откуда эти салфетки, – из настенных приспособлений в туалетах. Вытащить вместо одной салфетки полпачки – проще простого.

– Да, Игорь Владленович. – Я послушно потрусила к его кабинету, вход в который располагался в коротком тупичке недалеко от поста охраны. Тучный шеф неожиданно прытко меня обогнал и, распахнув дверь, впихнул внутрь так, что я пролетела прямо до крайнего стула и едва успела схватиться за его спинку, чтобы не упасть.

– Э-э-э... Игорь Владленович?

Но прежде чем шеф начал что-то объяснять, я и сама почувствовала неладное. Туго свернутая поисковая сеть развернулась, каждая струнка напряглась и начала звенеть. Кабинет заполняли информация, субстанция и сущность. Ох, не зря я накануне обеспечила себя подпиткой...

Сущность ощущалась сверху.

Субстанция ляпнулась мне на шею.

Я отпрыгнула к стене и воззрилась на потолок.

К потолку липкими шнурами, несколько раз пересекающимися крест-накрест, была приклеена сущность колоритного автора, посетившего стены дорогой редакции в пятницу. Все метр девяносто, волосы до пояса, заплетенные в весьма жиденькие косички, давно и безнадежно вышедшая из моды косуха поверх майки, потертые джинсы с выраженной мотней, кроссовки. Это создание лет двадцати семи пришло к нам с классическим набором бредней. Явления во сне Иисуса с точными инструкциями по написанию статей для «Пифии»; контакты с инопланетянами (да и сам он – метис инопланетянина с мамой); майя накосячили, и конец света еще только ожидается, а не прошел, как обещалось, в конце 2012-го.

Точнее, ладно бы на потолке маячила только изъятая сущность. Автор был приклеен весь целиком, в физическом теле, причем шнурами эктоплазмы.

Информация истошно причитала, что в совсем недавнем прошлом в уютном кабинете шефа происходила какая-то нездоровая стычка интересов. Структура информационного пространства была взбаламучена и почти не читалась. Сущность на ментальные запросы не отвечала, притворяясь мертвой. Я усилила один из поисковых шнуров, попробовала расшевелить мозги. То, что их почти нет, было ясно еще при собеседовании, но вдруг?...

– Ники! – просипел шеф. – Это что, новый способ добиваться публикации? Вы же его труды смотрели в пятницу, его, этого... как его...

– Ну, представился он, знамо дело, Мерлин. А так – Олег Евсеев, кажется. Сейчас, Игорь Владленович...

– Ники, он, вообще, мертвый, живой?... ментов звать?... скорую? МЧС?... – Игорь Владленович явно паниковал.

Я коснулась пальцами тягучей капли на шее. Добросовестная экто, почти стопроцентно материализованная на подсоленном киселе. Только соль могла удержать столько информации, чтобы обрести плотность резиновых жгутов и силу присосок спрута. Кто-то постарался на славу.

Взяла салфетку, вытерла.

– Живой, точно. И что мы скажем официальным лицам? Что кто-то пошел стопами «Людей в черном» и решил повторить подвиг таракана в морге?...

Шеф вдруг с интересом задрал голову – его посетитель явно предстал в новом, более привлекательном и живописном ракурсе.

– А что, похоже! Нет, ну, скажем, например...

– Игорь Вла... – Договорить, что экто уже почти разрядилась, особенно после того, как соприкоснулась с энергетикой моих поисковых структур, я не успела: кисель утратил клейкость и упругость, и Мерлин обвалился с потолка на любимый диванчик шефа. Молодой человек сверзился удачно и застыл лицом вниз в неестественной позе, но все же целый и невредимый, только обляпанный изрядным количеством густого крахмального клейстера.

И я, и шеф замерли... потом я не удержалась:

– Ну все, Игорь Владленович, накрылся наш эксклюзив... – и хлопнула в ладоши.

Двое прирученных домовых, рыжий Сева и чернявый Даня, которых мы никак не могли привыкнуть называть офисными, выскочили из-под дивана с ложками и бросились уписывать клейстер. Еще бы, остатки эктоэнергии – это для мелких духов деликатес. И я всегда старалась не обращать внимания на то, что у ложек наших домовых были как-то особенно остро заточены черенки по краю.

Игорь Владленович подергал глазом:

– Ники... ты разберешься?... ты, экстрасенс?!

Я, экстрасенс!

– Да, конечно, разберусь. Хотя и... необычно это. Лично я не слышала о таком и не сталкивалась. Сейчас домовые его того... объедят, вытрут, потом посмотрим, что с основными жизненными показателями. Пока есть ощущение, что он к кому-то подключен. Ну типа что он жучок или устройство для прослушки.

– Устройство... для прослушки? – Шеф провалился в кресло и снова начал нервно тереть лысину салфетками. Один из домовых беззвучно подбирал белые плотные кляксы с пола, второй сноровисто шарил по телу Мерлина, явно попутно облегчая карманы на предмет мелочи, курева и жвачки. – Что у нас тут прослушивать? План следующего номера? Создание приложений к «Пифии»? Ценообразование рекламных полос? Обсуждение тайны краха газетного бизнеса перед лицом интернетизации?

– Не знаю пока, – мирно отозвалась я, подошла к кулеру в углу кабинета и вдавила голубую кнопочку. Над стаканчиком потихоньку щелкнула пальцами – получилась структурированная успокой-вода. – Но разберусь. Не сама, так найду, к кому обратиться. Он с рюкзачком был. В котором валялись фотки Иисуса, сделанные во сне методом биосканирования,дохлый Асер и его документы. Вы его рюкзак не видели?

Шеф всосал предложенную воду. Почти не помогло.

– Домовых спросить?...

Я посмотрела на Севу с Даней. Заставить домового делиться информацией – непростая задача.

– Ну, может, потом... сейчас они заняты.

– Нет... перенеси его отсюда... совещание же через полчаса...

– Куда?

– Возьми ключи от левой переговорной... я ее сейчас зарезервирую. Домовые... тело... унесут? Сева?...

Сева встал навтыжку с ложкой на карауле. Типа готов к труду и обороне. Даню я сейчас не видела.

– А чего домовые, – сказала я, – домовые слишком мелкие. Сейчас возьмем такелажную тележку для развоза тиража и сами перетащим. Я народ распугаю, пятнадцать метров, недалеко.

Видно было, как сильно не хочется Игорю Владленовичу прикоснуться к Мерлину, но делать было нечего. В тот момент, когда мы пытались спихнуть гостя с дивана на тележку, он открыл закаченные глаза – видны были одни белки – и сообщил:

– Тайну мироздания я унесу с собой за пределы Вселенной...

Шеф чуть не выронил свою половину гостя, но я вцепилась в тощее плечо намертво – не хватало еще устроить сотрясение мозга человеку на земле, после того как он успешно спланировал с потолка (что, кстати, свидетельствовало о невероятной везучести данного организма).

– Да бросьте, Игорь Владленович, это же просто подкорка искрит... так, остаточное...

– Истинно говорю устами Иисуса: все пропадем, сгинем, и настанет конец света, – не унимался Мерлин.

Я присмотрелась, сдернула с его шеи связку амулетов на цепочках и шнурках, сунула себе в карман. Пусть полежат у меня.

Шеф, скрипнув зубами, преодолел брезгливость, и через пару минут мы уже устроили парня на светлом кожаном диване в переговорной.

Я на всякий случай оставила свет – а ну как очнется; и записку на столе: «Не волнуйтесь, сейчас приду». Записку прихватила тонким поисковым шнуром.

В кармане у Мерлина отыскались паспорт, связка ключей, телефон – его я забрала, вдруг папа-инопланетянин позвонит. И наконец, тщательно заперев небольшой кабинет на ключ, упрятала ключ подальше.

В кабинете шефа было уже чисто и пусто, только под диваном еще тихонько шуршали сытые домовые – новое гнездо себе вили из салфеток.

– Итак, Игорь Владленович, он жив, в трансе, жизненные показатели в норме. А вот что тут случилось и как его из этого транса выводить – другой вопрос!

Глава 1

Накануне. Рабочая пятница

День как день...

– Ники, привет!

Это мне. Я улыбнулась и, ответив:

– Всем привет-привет! – прошла к своему рабочему месту.

Как и во всех уважающих себя московских редакциях, тут теснота. Даже теснотища.

Работнички пера и клавиатуры отделены перегородками, обтянутыми серой тканью, и это как бикини на пляже – создается иллюзия интимности при полной обнаженности ситуации. Видно, кто что ест и пьет, сколько и когда. Кто красит ногти, кто – брызгается духами. Кто говорит по телефону... даже с кем и о чем... правда, мы чаще говорим, выбегая в коридор с мобильником в руках, но бывает – и по городскому в рабочем зале. В этой прозрачной до звона обстановке нелегко хранить небольшие личные тайны.

Юрик, наш арт-директор, как-то раз сказал – на работе мы намного ближе друг другу, чем даже своим родным. Восемь-десять часов непрерывного общения пять дней в неделю – не шутка. А потому мне было искренне жаль те коллективы, которые, что называется, «не сложились».

Я худощавая – по мнению некоторых, даже слишком маленькая и худощавая. Мой рост – сто шестьдесят восемь сантиметров, между прочим, – не мешает коллегам воспринимать мою персону как крайне мелкое создание. Тем более что я не ношу каблуков, только кеды или мокасины на тонкой подошве. Я вовсе не держусь за свой модный тощий имидж и постоянно жую шоколад, печенье, яблоки, бананы, торты – словом, все, что я вижу и что мне по карману. Мне необходима жировая прослойка, а она нарастает как-то не очень активно. Диетолог, выслушав мою проблему, посоветовала употреблять на ночь пломбир и жирный йогурт. Я поверила – диетолог, кстати, была килограммов сто весом. Мне бы ее добро!.. И с полгода безуспешно давилась по ночам мороженым, кофе с жирными сливками, просто сливками с клубникой и сахаром, сырными тортами, и ничего...

А сегодня утром весы показали сорок девять... печальное число – когда мой вес начинается с пятёрки, я в себе как-то более уверена...

Тем временем я положила на стол пакет из «Макдоналдса» (самые дешевые и самые вредные калории, но мне они подходят), повесила черную кожаную курточку на рогатую вешалку, включила свой неспешный компьютер. Вокруг мирно скрипела мозгами заслуженная, изношенная, но все еще боевая офисная техника.

Муза, посетившая любого из коллег, тут же выдавала свое присутствие пулеметным треском клавиатуры. Так на глазах (точнее, на слуху) завидующих рождались гениальные тексты.

– Сейчас приедет Василий Сергеевич, прямо со слета уфологов. А затем пятиминутка у Игоряши, – подала голос Ольга.

– Сергеич с утра-а? – изумилась я. – День будет прожит не впустую! – По редакции пронесся вздох всеобщего восхищения. Только Леша горестно скрипнул стулом – он выдерживал годичную паузу без спиртного. В стиле «мужик сказал – мужик сделал».

– Почта. – Анечка, наша секретарь, шлепнула мне на стол стопку пухлых грязноватых конвертов.

– Спасибо, Анечка! – отозвалась я и в очередной раз мысленно себя обругала невоспитанной дрянью – как же я так, со всеми здороваюсь, а Анечку нашу, которая сидит на отшибе, забываю?...

Письма. Это моя работа. Я занимаюсь парочкой рубрик в полумиллионной газете «Пифия», которую читают практически по всей России, а также в странах ближайшего зарубежья и в русскоязычных диаспорах всех континентов мира.

В моем ведении переписка с читателями, или «Спроси у мага».

У мага спросить о своем житье-бытье желали многие. «Пифия» получала до сотни писем в день – в бумажном и электронном виде. И хотя каждое первое письмо непременно бралось в руки и оценивалось, в каждом втором была строчка «Я знаю, эти письма никто не читает». Что заставляло людей, уверенных в том, что их письма не читают, писать нам с упорством обреченных?...

– Слушаю... – раздался голос за ширмой. – Да, «Пифия». Да. Да. Нет, мы не продаем газеты, здесь редакция, а вам надо в отдел распространения. Нет, у меня не карие глаза. Нет, я не потеряла недавно мужа. Нет, я не испытываю сейчас ни раздражения, ни злости. А вы? Да-да, я вам напоминаю, куда вы звоните, в редакцию «Пифии». Нет, не можете. Нет. Не стоит. У нас стопроцентная защита от любого рода телепатических проникновений и ясновидения. Да. И на телефонных линиях тоже. Абсолютно. Нет, недостающий номер газеты в подшивку не вышлем. Такие услуги мы не оказываем. Попробуйте все же позвонить в отдел распространения. Да, всего доброго.

Дав отбой, Ира вытащила зеркальце из верхнего ящика стола и пытливо уставилась на свое отражение. Глаза у нее были карие. Расстроена она была уже неделю – муж не умер, но ушел. Но признаваться в этих фактах звонившему читателю не стоило. С нашей аудиторией требовалось, увы, держать дистанцию – притом, что мы от всей души работали ради их успокоения, образования, блага и процветания.

И да, на редакции и на телефонных линиях стояла неплохая защита, я собой искренне гордилась, но вот бывают же у людей догадки. В данном случае и у звонившей, и у отвечавшей.

Я быстро пробежалась по закрывающемуся каналу – одинокая дама, после климакса резко активизировался врожденный вампиризм, дети сбежали аж в другие города, неплохой интуитивный психолог, играет в великого чародея, ну и психиатрии немножко. Экстрасенсорика нет.

– Ник, может, поговорить с ней надо было?

– Не надо. – Я перекинула нитку на Иру, наложила несколько стежков на изодранные нервы. Не более пятнадцати процентов вмешательства, если тебя не просят, и вмешательство только твоя инициатива, – но и этих пятнадцати часто хватает.

Тем временем в атмосфере возникло своеобразное шевеление, вроде телепатического сквозняка... а вот и сквозняк настоящий – хлопнула легкая стеклянная дверь.

– Здра-авствуйте, здравствуйте! – Сочный глас исключительно жизнелюбивого Василия Сергеевича заставил пространство редакции вибрировать.

Ах, как я любила, когда это сноп чистейшей энергии приходил к нам в гости! Гонорары у нас копеечные, зато обстановка душевная, и авторы – тот фактор, который делает ее уникальной. Не надо думать, что всю газету создает горстка журналистов, копающихся в Интернете. Нет, без авторов не было бы «Пифии».

Василий Сергеевич, художник, астролог и знаток славянской обрядности, вкатился с четырьмя пятилитровыми пластиковыми канистрами вина, которые придавали его исключительному силуэту особую выразительность. Казалось, он вообще не ощущает ни их, ни собственного веса. Черные кожаные штаны, пронзительно-желтый вязаный шарф, ультрамариновое драповое пальто, бордовые лайковые перчатки...

И сразу пошли поцелуи.

– Я сейчас с Крыма (сочный поцелуй Анечке), а через час в аэропорт (поцелуй мне), а потом на Камчатку (поцелуй Ольге), а там то ли метеорит, то ли истребитель упал (поцелуй Ире), если упал – так я найду (роскошным жестом сбросил свое синее пальто). А еще, может, и выставку там устрою, но самое главное – крабы, крабы же с икрой, самый правильный лов (вся редакция восхищенно застонала – только Сергеевич мог лететь на Камчатку ради браконьерского лова правильных крабов), как без крабов? В крабах в этот сезон вся сила, а мне сила нужна, я силу люблю...

– Привезете мне камушек с камчатского вулкана? – завистливо спросила я.

– А ты садись на метлу, да за мной! – бодро ответил Василий Сергеевич.

– Ой, если бы можно было! – засмеялась я. За самолетом не поспею – максимум двадцать-тридцать километров в час.

Тем временем редакция радостно галдела; все собрались послушать театрализованную постановку в исполнении Сергеевича, историю об одичавшем туристе, поселившемся в экскурсионных пещерах Крыма. Данному туристу, по его собственной версии, изложенной внимательным уфологам, было явление инопланетян. Представители высшего разума сообщили, что в горах Крыма таится космический корабль, наполненный несметными сокровищами вселенской мудрости, а до кучи золотом, бриллиантами и сосудами с живой водой.

Я верила, кто-то нет, да и не важно. В горах Крыма, если честно, чего только не таилось, включая армию солдат-атлантов, созданную на случай внеземной агрессии на человечество. Армия эта была неактивна, и я крайне желала ей оставаться неактивной всю мою жизнь. Пусть лучше человечество не знает, как хорошо оно защищено.

Ну а турист и корабль...

Если правда – мимо нас не пройдет; если даже на грани правды... или просто слегка похоже – скорее всего, напишем. Василий Сергеевич любую историю преподносил так вкусно, что грех было замалчивать и прятать в стол. Человек счастливый, полный жизненных сил, умудрялся передавать их даже через печатный текст, заряжая нашу аудиторию позитивом и оптимизмом.

Закуска (наспех собранная с миру по нитке, главным образом вынутая из моего пакета, принесенного к ланчу) быстро закончилась; поздороваться и послушать про туриста успели всего на полканистры неоригинального «Черного лекаря» и на одну канистру «Муската белого Красного камня»... Жизнь стала лучше, жить стало веселее.

Наш крымский виноносец отправился на сражение с крабами, которые нынче самые правильные, то есть, как это ни печально, с икрой – пришедшие на мелководье на нерест.

А я со слегка гудящей головой вернулась к работе, пытаюсь отрешиться от образа ободранного энтузиаста-уфолога, ползающего по сталактитовым лесам с самопальным факелом, скрученным из ветхих сатиновых трусов и пропитанным последними каплями водки из заветной фляги.

Хотя чего не сделаешь ради хорошего космического корабля.

Письма разнообразием не отличались. Иногда, читая их, я впадала в банальные размышления – к примеру, как трудно быть богом. Ему, думалось мне, возносят благодарения намного реже, чем пытаются выбить из него ответы на те же вопросы, с которыми обращаются и к нам, изливая заодно истории жизни, потерь и провалов. Ну или даже не ответы на вопросы, а самую что ни на есть действенную (правильнее сказать – чудодейственную) помощь...

Я искренне надеялась, что люди, формулируя на бумаге все свои трудности, накопившиеся за энное количество лет, на самом деле получали облегчение. Выговаривались. Наверное, это своего рода психотерапия.

Но прочесть от корки до корки все письма было на самом деле невозможно, для этого требовались еще по крайней мере два человека на полной ставке. Ставок у нас не хватало. Да и у меня конкретно на письма времени было выделено немного. А потому вникать в суть рваных

биографий и судебных я приспособила Кешу. Только старалась сделать так, чтобы его никто не видел.

Естественно, люди с Даром свой Дар маскировали. Шеф, издатель, а по совместительству и совладелец-соучредитель нашего издательства, в свое время как-то очень грамотно воспринял тот факт, что в редакции народ собрался разный. С разными запросами... и с разными возможностями. И весьма положительно оценил, что двое домовых (приучить их обитать исключительно в кабинете шефа было непросто, помог только специальный диван с глубоким пространством под ним) мгновенно собирают с пола бумажки от карамелек, до которых наш Игорь Владленович большой охотник, и при этом прячутся ото всех, кроме меня и его самого. Ну, еще Ольга – домовые трепетно подбирали пепел ее тонких сигарет, почтительно огибая оборки юбок. В принципе курить у нас разрешалось на крылечке и в кабинете шефа, а вкусы у домовых странные, им очень нравится пепел, они существа неорганические, чего только не едят.

Я приготовилась поработать... и тут в благостную и разморенную вином редакцию примчался собственно Игорь Владленович – как обычно, требовать подлинную фактуру и уникальные материалы.

– Забыли? Ах вы! Ах, Васильсереич? Тяпница?... А совещание? А фокус-группа? Вы хоть представляете, сколько это стоит? Видеосопровождение! Фигня все! Нужен эксклюзив! Срочно! Настоящий, живой материал! Откуда угодно! Люди нам не верят! Жует портянки! Пишем одно и то же! Дайте мне расследование! Покажите жизнь современных волшебников! Где они, нынешние московские Гендальфы и Дамблдоры?¹ Срочно! Чтобы я поверил! Понятно? Оль, пошли побеседуем... – Ольга вышла за шефом – руки за спиной, в одной ополовиненная, а потому предательски булькающая канистра «Черного лекаря», в другой ноль пять коньяка «Баланешт».

Шеф делал вид, что не слышит бульканья.

Редакция тоже.

Фактура нам требовалась постоянно.

И она была... да только не всякую фактуру дашь в газету.

Я уныло оглядела стопку писем. Разместила свою тощую задницу на потрепанный стул, двумя пальцами взяла верхнее, заказное (давно надо купить для этого дела пачку медицинских перчаток!). И шепотом сказала:

– Кеша, фас!

Медленно вскрыла письмо... так же медленно его развернула и, прикрыв Кешу, выскочившего на вершину стога из писем, начала читать три странички А4, исписанные мелким дамским почерком. Так... «Здравствуйте, дорогая редакция!» День добрый. Родилась – жила, вышла замуж – развелась, живет со вторым мужем – как именно, сколько лет; двое детей, квартирный вопрос... заканчивалась история жизни закономерным вопросом, люблю такие – «моя ли муж половинка, все время в этом сомневаюсь»... и ни одной даты. Я тяжело вздохнула. Посмотрела на конверт. Марина Потапова из Краснодара, ты бы хоть на одном деле в своей жизни сосредоточилась как следует!

Я уже извлекла из письма всю информацию. Раз уж я его подержала в руках и частично обдумала, стоило и ответить. Но проверка не повредит; я вытянула шею. Света на месте, и колода Таро лежит на краю стола, придавлена друзой хрусталя – чистится.

Осторожно приподняла край письма, которым экранировала работу домовенка.

Кеша тем временем уже закончил сортировать все остальные письма и гордо отступил к карандашнице. Всего три письма лежали отдельно с красными галочками на конвертах: «К прочтению и ответу обязательны!» Еще пять – с зелеными крестиками: «Нормальные люди,

¹ Гендальф и Дамблдор – персонажи произведений Дж. Толкина и Дж. К. Роулинг. (Примеч. ред.)

внятные вопросы, все данные присутствуют, ответы будут восприняты адекватно». Два – с нарисованными смайлами. Да. Такие тоже бывали. Это на конец рабочего дня. «А если вы, дорогая редакция, приедете ко мне в Тольятти, я буду встречать вас в белых туфлях на перламутровой платформе и угощу шанежками. Рецепт шанежек...» Ну или наша любимая классика: «Покупаю вас каждый месяц, читаю от корки до корки, верю всему. Люся, Урюпинск».

Остальные письма были неряшливой кучкой отодвинуты на край стола и никаких меток не имели. Эти люди спрашивали о том, что уже было неактуально; хотели не совета, а подтверждения собственной точки зрения и иную бы попросту не услышали; выговаривались; или не написали о себе нужных сведений; или это были местные сумасшедшие, мессии и ясновидящие, коих с нами пыталось связаться неимоверное количество.

Я достала конфетку и потихоньку сунула Кеше. Мой офисный был очень застенчивым и совсем маленьким. Не знаю, почему он избрал себе место проживания в карандашнице, где на дне было полным-полно острых скрепок и булабочек, но малыш торчал именно там.

Вообще, почти каждый стол в нашей дорогой редакции – это удивительное скопление артефактов, фигурок, талисманов, статуэток, вазочек, камешков, подсвечников, хрустальных шаров, игрушек и прочей дребедени. Кое-что – для дела, кое-что – для красоты, остальное – пылесборники и сувениры на память, подарки авторов, читателей и коллег друг другу. Так что выбор мест проживания у Кеши был богатый, но о вкусах не спорят.

– Представляете, – подал голос Леша, редактор и писатель-фантаст по совместительству, – в Америке до сих пор разыскивают пришельца, чей корабль разбился в 1947 году. Вот недавно его вроде бы еще раз нашли в поселке мормонов, замаскированного под одну из жен главы...

– Представляем, – с удовольствием отозвалась я. – И еще неоднократно выйдет зайчик погулять!.. – И отправилась к Свете.

– Глянешь?...

Светик покосилась на письмо неодобрительно. Как и многие экстрасенсы с чистым Даром, она была худощавой, но очень следила за собой и никогда до моей костлявой унылости не доходила. Правда, и Дар у нее был совсем слабеньким.

– Опять без данных?

– Ну, я в принципе посмотрела, но лучше же перепроверить... – ответила я.

Света еще раз строго на меня глянула, но решила не препираться, хотя она крайне не любила растрачивать свой Дар на Видение для посторонних, к коим относилась и читателей. Взяла колоду, особым образом стасовала, сосредоточилась. Вынула три карты, рассмотрела их, почистила ногтем несуществующие пылинки, потом убрала карты в колоду и снова придавила стопку здоровым кусищем хрусталя.

– Ну что я тебе могу сказать? Дамочка разболтанная, детьми не занимается, себя запустила, работает без огонька, причем работу поменять не хочет. Временами сидит в депрессии. Точный ответ на единственный внятно поставленный вопрос – «нет». Не ее он половинка. Но ведь все равно не разведется, потому что не хочет быть разведенкой и подозревает, что заново замуж не выйдет, хотя вышла бы. За чаем пойдешь?

– Пойду, надо вино запить...

– Давай я с тобой...

– Представляете, – услышали мы за спиной, – в Питере видели НЛО, улетело в сторону Выборга... есть записи, а еще две дамы забеременели, пока оно над их домами пролетало...

– Представляем! – с удовольствием откликнулась я.

– Понятно, – фыркнула Света, – казак хочет в Питер...

– Питер – это хорошо, – воодушевилась я, – в Питер – это правильно! – Я сама уже давно хотела куда угодно, но мой Дар, возникнув в Москве, отпускал меня нечасто.

Поговорив о Балтийском море, талисманах из природного янтаря, о погоде и о намерениях Светика после ланча зайти в «Палыча» насчет десерта, мы вернулись от кулера в кабинет. Я села за стол, кинула в чашку с кипятком пакетик имбирного чая и сосредоточилась за слегка подвисяющим компьютером.

«На ваш вопрос ответил наш специалист, используя ясновидение и гадание с помощью колоды карт Таро.

Отношения с супругом могут прийти к состоянию нестабильности, однако, скорее всего, до развода не дойдет.

Вам, Марина, „Пифия“ может посоветовать получить дополнительное образование в области, связанной с дизайном – возможно, дизайном ногтей, стрижками, так как вы одарены в прикладной области. Новая профессия позволила бы вам трудиться посменно, высвободить больше времени для детей и одновременно ярче выразить себя. Пожалуйста, обратите внимание на серьезную литературу – повышайте ваш уровень эрудиции, развивайтесь духовно. Удачи вам и всех благ вашей семье».

Я вздохнула и сохранила письмо и ответ в папку готовых писем. Пойдет в ближайший номер. Филькина грамота – люди спрашивают, но это не значит, что они готовы услышать ответ. Тех, кто был готов, на моем столе было в данный момент представлено три – по количеству писем, отмеченных Кешей красными галочками.

Юрик тем временем покосился на мой пакет с ярким логотипом «М», в котором осталось только три ломтика картошки по-деревенски, зарывшиеся в копну салфеток, и хмыкнул:

– Ники, ты там, в пузе, солитера не выращиваешь? Коллекционного? Хотя нет, он уже выпирал бы...

– Завидно? – переспросила я и сглотнула голодную слюнку. В плоском животе заурчало. Людям по большей части бывало завидно, мода такая. Я же в свою очередь завидовала плотным, крупным.

– Ники! – окликнула меня тем временем снова возникшая в редакции Ольга. – Сейчас с проходной автор позвонит, встретить, пожалуйста, и поговори...

– Что-то толковое? – спросила я. – Авторы новых нам не помешало бы...

– Ну как тебе сказать... – Ольга прищелкнула пальцами, и я сразу увидела ауру посетителя – начальница считала ее еще по телефону. – Может, что-то и есть, а может, в комплект к Воланду с прошлой недели... послушай, посмотри, что принес, проверь, может ли писать.

В принципе я такие ауры люблю. Обычно это интересные люди, даже не люди, а конкретно мужчины – со своеобразными заморочками, и любопытными взглядами на мир, и одновременно с ярко выраженной склонностью до седых бакенбард сидеть на дамских шеях. Бабушка-мама-тетя-жена, ну, может, сестра-любовница – кто подвернется. Так как я не имела в виду становиться женой и мамой, то против зависимых мужчин и вдохновенных тунеядцев совсем ничего не имела. У них своя реальность, у меня своя, иногда любопытно и пересечься.

Однако Ольга протянула мне клочок бумаги, где значилось «Олег Евсеев», имя было отчеркнуто и ниже написано жирным красным фломастером – Мерлин, и интерес мой в значительной степени увял. Вот они, современные московские Гэндальфы. Но собеседовать так собеседовать! И я потрусилась к вахтенному охраннику, взять ключи от переговорной и встретить посетителя.

Мерлин поразил контрастом между современным парфюмом «Кензо» этого года выпуска, который я по случайному совпадению знала, и эклектичной внешностью. В одежде были намешаны все стили и отдельные предметы гардероба, которые были модны последние тридцать лет.

Парень, может, чуть моложе меня, смотрелся очень странно, а волосы не стриг, наверное, со школы. Благо хоть выбрит был.

– Здравствуйте, я редактор «Пифии» Ни... Ксения. Проходите, пожалуйста, Олег.

– Мерлин... пожалуйста, Мерлин.

Ой, да пожалуйста. Хоть царица Савская.

Мерлин всучил мне чуть помятую распечатку, правда сделанную добротнo – размер шрифта четырнадцатый, межстрочный интервал полтора и на хорошей бумаге. Я села за круглый столик и быстро пробежала взглядом пару страниц.

– В Интернете материал брали?

– Ну, в основном...

– Вы понимаете, Олег... то есть Мерлин...

– Я бы хотел публиковаться именно под этим псевдонимом. – Мерлин достал старенький «Асер» и пристроил его на столик. Показывает, какой он умный, современный и богатый.

– Ну, до публикации тут еще надо поработать...

– Не возьмете? – Парень так явно огорчился, что я начала мямлить. Не люблю печалить людей.

– Ну, понимаете, я вижу, что вы заинтересовали Ольгу, раз она вас лично пригласила... но вообще-то нам нет резона брать в печать компилятивные материалы, даже хорошо изложенные... мы интересуемся эксклюзивом.

– Эксклюзивом. Так. – Мерлин снова порылся в рюкзаке и хлопнул на стол мутную размытую фотку, напечатанную не на фотопринтере, а на обычном черно-белом струйнике, судя по дефектам печати, том же, что и рукопись. – А как вам это?

Я присмотрелась. На фотке, как мне показалось, был сам Мерлин, только в бороде и с распущенными волосами.

– Ну... без бороды вам лучше.

– Вы решили... что это – я? Я? – Парень ошеломленно вскинулся.

Я на всякий случай освободила один конец поисковой паутины.

– Ну, э-э-э, похож. А кто?

– Это же Иисус.

Прижизненное фото, смекнула я и запустила паутину в пару конкретных извилин Мерлина. Удивилась – парень не был психом, шизофреником, правда, и аура его читалась неотчетливо. Смазанные сканы были похожи на картину ауры человека, который выпил полтора литра пива, или граммов двести водки, или недавно пережил стресс, или подкрепил силы перед собеседованием двумя плитками шоколада. Все эти воздействия... а, ну еще занятия сексом... давали определенные нечитаемые зоны, но экстрасенсы через них и не старались пробиться. Все имеют право на личное, хотя бы временно.

– И как вам удалось получить его изображение?

– Он мне снился, – застенчиво сказал парень. – Снился, и я подключил телефон к моему мозгу, как он велел. Ночью... позавчера... камера сработала, и... вот. Доказательство. Это Иисус посоветовал мне прийти в редакцию. Он хочет предупредить... остеречь!

Я поймала себя на остром желании поинтересоваться, через какой конкретно внешний разъем можно подключиться к мозгу Мерлина... но решила закруглить эту скользкую тему:

– Вы знаете, Олег, нас такого рода изображения совсем не интересуют.

– Но ведь Он сам сказал мне прийти сюда, – проникновенно выговорил парень. – Написать вот этот текст, о версиях конца света, и предупредить, что все началось снова.

– Когда?

– Да вот... неделю назад, может, чуть меньше.

– Мы бы знали, – убежденно сказала я. – Мы бы точно знали! – Наш фантаст Алексей такого события, как очередной конец света, точно не упустит, хихикнула я мысленно.

«Представляете, в Силиконовой долине соединили в мегамозг три сотни ворованных айпадов и вычислили новую дату конца света...»

Представляем!

– Ну, вот вы оказались не в курсе... потому что все только началось... древнее зло вырвалось из склепа и не тронуло меня, так как я... только это секрет... сын инопланетянина. Мама посылала мою ДНК на проверку после того, как я родился. – Мерлин сгибал и распрямлял первую страницу своего бессмертного творения, не поднимая на меня глаз. – У меня оказался иммунитет. Зло прошло совсем рядом и не тронуло меня...

Ну что, достаточно. Интересоваться, что у парня за тайна личности, мне совсем не хотелось. Некоторые истории затягивали, как трясина, так, что потом сама в порядок приходишь пару дней.

– Хорошо, – сказала я, вставая. – Раз Иисус сам велел вам прийти, оставляйте рукопись. Там все по образцу, адрес вашей электронной почты, телефон? Я еще раз все внимательно посмотрю и свяжусь с вами.

– Да, все как надо, меня предупредили. Я уверен, я вам еще пригожусь. У меня уникальная ДНК, не подвластная злу, – грустно, но как-то безнадежно сказал Олег и поднял на меня взгляд.

Нормальный взгляд, глаза даже красивые. Всегда удивлялась, зачем парням такие длиннущие ресницы. Но вопрос вроде «Олег, вы сами-то себя слышите? Вы понимаете, как это все звучит?» – увы, мгновенно отбросил бы молодого человека обратно в его иллюзии и миры, заставив ошетиниться и закрыться. А поэтому я покивала, согласилась, провела его до охранников, показала, как надо отметить разовый пропуск, попрощалась, помахала ручкой, а затем доложила Ольге: пустышка. Это не перспективный автор, это искатель нового Мессии и претендент на избранность.

Однако, вернувшись за свой рабочий стол, я поняла, как сильно устала. Меня буквально шатало, и, засунув за щеки два куска сахара, я подумала, что потратила на Мерлина больше сил, чем он того заслуживал. Судя по номеру городского телефона, Мерлин мой сосед, живет где-то неподалеку... но это, конечно, не повод терять контроль над собой в поисках истины.

Посидела, усваивая глюкозу. Нет, так нельзя.

А, была не была!..

Я встала, порылась в верхнем ящике стола, вытащила моток ниток красного цвета. Пошла в корректорскую, к столу Инны.

Инне нашей недавно исполнилось тридцать пять, жаждала она принца на белом «мерседесе» и весила при небольшом росте килограммов сто. Макияж в стиле шестидесятых, белокурое завитое каре, маникюр длиной три сантиметра. Тело, обтянутое тонким трикотажным платьем, демонстрировало столько нехарактерных для нормального человека изгибов и подробностей, что дух захватывало.

Пока я шла и прицеливалась, успела единственной поисковой нитью просканировать будущее. Да, это поворотный момент, как я и Увидела. Инночка и сама не знает, насколько поворотный. Покупая тоннами таблетки и всевозможное корректирующее белье, тренажеры и массажеры, Инна только наращивала свой жировой скафандр. На самом деле ей было в нем уютно и удобно.

...Течения ее судьбы переплетались, образуя радужную косу. Основное течение, мирное, золотистое, – верная сестра, любимая тетя, преданная двоюродная бабушка. Долгие годы работы на одном месте, почетная пенсия в весе около ста тридцати, дача, жалобы на опухшие-отекавшие ноги... и кончина в больнице в возрасте семидесяти трех лет от воспаления легких.

И вот рядом – сверкающая струя холодного серебра; вот она, нереализованная стройность Инны. Вариация, при которой она не просто станет стройной и прекрасной внешне, но

и внутренне преобразится, что, бесспорно, взаимосвязано. Когда это должно было случиться, когда она не сумела перебраться на соседнюю стремнину?... А, вот: разделительный камень. Два года назад. Больница, желчный пузырь, красавец врач. Не рискнула открыться («У него же пациенток полным-полно, кто я такая») и потом полгода заедала свою робость всем чем попало, несмотря на диетические запреты после холецистомии. Вес перешел из категории «до ста» в «после ста». А замужем за тем доктором... да ладно, что теперь. Доктор спивается, Инна толстеет.

Наша макси-Монро могла бы быть совсем другим человеком. Поджарым, целеустремленным, стремительным. И не вычитывать написанные другими тексты, а писать свои, энергичные и талантливые. И судьба у нее была бы другая, активная, серебряная, с оттенком стали. По моим представлениям – на октаву выше нынешней, а то и на полторы. И погибла бы она на своем новом спортивном автомобиле в аварии в семьдесят один год, будучи за рулем. И оплакали бы ее двое детей и пятеро внуков.

Если человеку предложить дилемму, что он выберет?...

Какое мы, экстрасенсы, имеем право решать за него?...

Просматривая исходные варианты судьбы Инны, я видела – других достойных Течений нет. В одном случае диабет и ранняя смерть, Инна подбиралась сейчас к этой развилке, к возможной точке отказа.

В другом – короткий брак с каким-то малолеткой и лютая ненависть к мужчинам на всю оставшуюся. В третьем... интересно... богомолкой наша Инна не выглядела, но вот отчетливо просматривается – монахиня. И пошла бы она туда от проклятого жира. Чуть не пошла уже после пережитой страсти к врачу, и еще минимум один раз имеет шанс на эту стремнину выбраться. Вот и все.

Достойных вариантов два. Хотя монашеский по-своему неплох, но по укладу души Инна не монахиня. Трудно ей будет... и не похудеет – даже в монастыре.

Я складываю пальцы особой вилочкой. Восемьдесят девять процентов вмешательства.

– Инночка, привет! Печенье есть? Мне бы к кофе...

Инна добрая – и всегда держит на работе плюшки.

Это ее успокоительное средство и ее защита.

– Бери, Ники!

Я наклоняюсь к Инне:

– Инна... послушай. Давно хотела тебе сказать. Я никому не говорила... на самом деле я весила как ты примерно. Похудела прямо перед тем, как пришла в дорогую редакцию.

Внимание приковано. Инна даже дышать перестала.

– Мне одна бабка показала. Ты же знаешь, я в Москву из области приехала. Ты на сколько килограммов похудеть хочешь?

Инна давно все подсчитала – я-то знаю.

– На сорок пять! – выкрикивает она, молниеносно перескакивая с моей истории на свою.

– И останется в тебе?...

– Шестьдесят при росте сто шестьдесят два!

– А что, – я киваю, – нормально. Давай палец.

– Кровь колоть? – с подозрением спрашивает Инна.

– Не. Только не голоси, это раз. И попроси меня помочь тебе сбросить лишний вес и сохранить здоровье. Это два.

– Прошу тебя сбросить мой вес, – зачарованно говорит Инна, к счастью вполголоса.

– Помочь тебе сбросить лишний вес и сохранить здоровье!

– Ты издеваешься, что ли?

– Нет, но если ты не хочешь...

– Нет, нет, давай пробуй! Прошу тебя, Ксюшка, помоги мне сбросить мой лишний вес и сохранить здоровье! – Теперь Инна смотрит круглыми глазами, как ребенок. Как легко и приятно работать людей низших и средних октав, наивно верящих в чудеса!..

– А теперь скажи: ты разрешаешь мне забрать то, что для тебя лишнее? – сурово спрашиваю я.

– Если бы это возможно было... – ноет Инка.

– Инна! – строго говорю я.

– Я разрешаю тебе взять то, что для меня лишнее!.. Только зачем тебе оно?... столько?...

– Хорошо, – говорю я. Беру палец Инны (сарделька с острым когтем красного цвета) и наматываю тугими витками нитку. Отчетливо, но совсем негромко приговариваю, по ходу дела структурируя наговор: – Беру себе что во вред тебе. Тебе отстать – мне прирастать. Лишнее-лишнее, уходи, пыльное. Сорок пять, сорок пять, отправляйтесь погулять! – и резко обрываю веревочку.

Инна хлопает глазами. Обрывок давит ей палец. На душе у меня не вполне спокойно: по нормам этики, я должна была сказать корректору «Пифии», что, дав ей новую судьбу, выведя ее на серебряное течение более высокой октавы, я лишаю ее двух-трех лет жизни. Правда, в основном течении она умирала бы долго и ужасно пусто; а в серебряном – даже не успеет осознать мига перехода. Раз... и голова не болит. Я считаю, это плюс. У меня есть основания так считать.

– И все? – тянет Инна.

– Можно все-таки кровь пустить, – доверительно сообщаю я.

– Не, ну и все?...

– За год похудеешь. Вот тебе карточка отличного диетолога Иры Трушкиной. Сначала к ней, она назначит диету, добавки, расскажет о режиме. Потом вот, приглашение на пробный урок фитнеса, он на нашей территории, только вход другой. И да, обещаю, за год – минус сорок пять.

Инна сидит нахохлившись. То ли обиделась, то ли вникает. Так всегда и надо – забить впечатление, что воздействовал, какими-то бытовыми советами. Оставить только то, что сегодня Инна запишется к Ире... и пойдет на прием.

Я тем временем почувствовала себя намного комфортнее. Установленный канал начал работать. Теперь я могу тратить на манипуляции Иннин жир, точнее, овеществленную в нем биологическую энергию. Сорок девять – ну чересчур! С метлы же будет слуывать.

Какое счастье, что в дорогой редакции есть еще нормальные люди! Уборщицы, корректоры, рекламщики, администрация, распространители, кое-кто из редакторов...

Это же замечательно!

Глава 2

Понедельник – день тяжелый

Понедельнику покровительствует Луна, которая может обусловить разгул фантазии или сбычу мечт. Это как фишка ляжет

Вот так и получилось, что в момент обнаружения нашего спящего красавца на потолке я была в тонусе и в отличной энергетической форме. Иннины жиры постепенно таяли, начав этот процесс прямо в выходные. Ей предстояло тридцать шесть лет великолепных впечатлений, позитива, любви. И принц с каждым днем подкрадывался к ней все ближе и ближе.

А я – я могла применять свой чистый Дар без оглядки на порывы ветра, которые меня временами грозили унести, и без круглосуточной заботы о высококалорийном съестном.

Я примчалась на рабочее место из кабинета Игоря Владленовича и уловила заинтересованный взгляд Ольги. Но она никогда не станет вмешиваться без особой нужды; если у меня с шефом какие-то свои счеты, то и пусть. Захочу – расскажу сама.

Для начала я тяпнула мерзкого растворимого кофе, привела мысли в порядок, а затем рванула в правую переговорную. Но память меня не подвела – в пятницу, когда я завершила беседу, Мерлин забрал все свои причиндалы вроде «Асера», сложил в рюкзак и унес. У меня осталась только распечатка бессмертной статьи с его координатами на уголке каждой странички, намекавшими на наше с ним географическое соседство, и мутная фотография Иисуса.

Что же, доводилось начинать и с меньшего.

Я внимательнейшим образом прочитала статью от начала до конца. Но как во вчерашней беседе с моим ныне спящим красавцем не было ничего, что насторожило бы меня как экстрасенса, так и в тексте статьи не было ничего цепляющего. Простой розыск в Интернете дал бы мне эту кучку информации за тридцать минут. Да, оформлено нормально, да, русским автор владеет, но поставить это в «Пифию» мы решили бы лишь в разгар летних отпусков в случае внезапно снятой платной рекламной полосы и при острой нехватке любых других материалов. Игра ума и игра слов. В той или иной форме все это уже было – о годах 1991, 1999, 2000, 2001, 2002, 2010, 2012-м, роковом 2013-м, новой мультке – 2020-м, до которого человечеству (по мнению Мерлина, сладких ему снов) не дотянуть, и всех возможных календарных вариациях внутри этих дат – от 20.01.2001... ну и, естественно, до 12.12.2012 и 22.12.2012, 13.01.2013, 13.02.2013, 31.01.2013 и 13.02.2013, 14.02.2014 и далее по списку...

Ольга подала голос из-за перегородки:

– Что, Мерлин у нас совсем не Мерлином оказался?

– Ага, я тебе еще в пятницу сказала...

– Ну... все же... стоит еще раз с ним поговорить...

Я уважительно покивала. Поговорим, еще как, надо только понять, сам проснется или придется будить. Шокотерапия – наше все. Нашатырь, утюг, электричество, скрепки под ногти.

Мутный портрет Иисуса по-прежнему не нес никакой информации. Картинка – и картинка. Приглядевшись, я рассмотрела на лбу якобы Мессии еле видный шрам или дефект съемки в виде буквы Z и совсем скисла.

– Я пошла на совещание к Игоряшику, – сообщила Ольга. – Что у нас по спецвыпуску?

– Работаем как лошади... – Я должна была сдать текст в четверг на прошлой неделе.

– Ну, смотри, – нейтрально бросила Ольга и, шурша юбкой, покинула рабочий зал редакции.

Я перевела дух. И я терпеть не могла задерживать, и Ольга задержек не любила.

Убедившись, что все занимаются своими делами, я вытащила связку кулонов, которую сняла с шеи Мерлина, и разложила их перед собой. Христианский крест, не крестильный, просто украшение (это я ощущала всегда), – понятно, руна Райдо из медного сплава, единорог в треугольнике, миниатюрная ювелирная копия Фестского диска, настоящая на вид пуля, правда, в калибрах и видах оружия я не разбираюсь, а еще кельтский крест, подкова и янская половина символа Инь-Ян. У Мерлина, видимо, имелась девушка. Ничего особенно сильного или профессионально заряженного, но и никакого самопала – качественная бижутерия. Все фонило в силу уверенности Мерлина в своих амулетах и древности символов.

Снова сгребла и спрятала в карман безделушки, сунула туда же оторванный от рукописи Мерлина край странички с его полными данными.

Вытащила его телефон – тут осечка: телефон на пароле. Без пароля я могла только ответить на звонок.

Сходила на обе проходные – и на внутренний пункт охраны, и на общую проходную всей производственной территории, на которой располагалось издательство; поболтала (насколько это было возможно) с суровым вахтенным, спросила относительно Олега Евсеева. Вышел в пятницу, когда я его провожала, и не вошел. Воспарил обратно к нам в редакцию через систему кондиционирования?... просочился через канализацию?...

Моя тревожная поисковая нить, намотанная на записку в левой переговорной и на Мерлина, помалкивала. Поэтому я пообедала со Светиком, поклялась сама себе закончить прямо сейчас материалы для спецвыпуска и только потом снова заняться господином Евсеевым, да не вышло.

Меня сразу после совещания снова потребовал Игорь Владленович.

– Ну что?...

– Пока ничего, – ответила я, – спит и спит...

– Я вот что подумал. Давай я вызову шофера, и перевезем его к тебе. С ним и останешься, будут тебе полдня отгула.

– Ко мне? Почему ко мне?...

– Ну, ты же одна живешь!

– Вы тоже!

– Ники! Ну, подумай сама – приводить его в чувство будешь ты, ты же уверена, что он жив?

– Уверена.

– И что с головой у него все в порядке будет?

– С этим сложнее... – Я прислушивалась к пространству кабинета шефа. После совещания, естественно, информации осталось намного меньше, и при этом все равно какой-то нечеткой. Все, что мне удалось пока структурировать, – образ то ли собаки, то ли кота, словом, какой-то зверюшки.

Домовые помогать не хотели. На мой достаточно активный запрос они прислали мне из-под дивана недавно освоенное ими ментальное изображение – символ охотников за привидениями. В данном контексте это означало – нас не трогай, дело людское, разбирайтесь сами.

– Ну, голова предмет темный, изучению не подлежит... а если его отвезти ко мне и потребуются помощь скорой, что я скажу? – резонно возразила я.

– Во-первых, у тебя подруга на скорой работает, во-вторых, ты прикроешь родную контору от неприятностей, скажешь, что работала с автором и ему подурнело, в-третьих, уборщицы все равно имеют ключи от переговорной...

– Ну, запретить им соваться... как это – работала с автором на дому... а моя репутация незамужней девицы?...

– В-четвертых, вот пока он спит, а кто с ним тут ночью останется?

– Проснется ночью, и что? У него там свет и записка, посидит до утра...

– А если ему надо будет в туалет или станет плохо? А он тут заперт?

Мы помолчали.

– Мне он дома не нужен, – решительно сказала я. – Ко мне друг сегодня в гости придет, и вообще...

– Отпускные как во время командировки, – монотонно проговорил шеф.

– Недостаточно!

– Ну хорошо, чего ты хочешь?

– С Ольгой будете объясняться вы – это раз, – злорадно сказала я, – новый монитор – два, починить окно около моего стола, а то зимой дует, – три, и разрешение прогулять три дня подряд, когда мне это будет нужно, – четыре. Плюс прямо на этой неделе время на решение данного затруднения. Решать его буду вне редакции. Все. Ну и отпускные за текущую неделю к зарплате.

Игорь Владленович шевельнул морщинками на лбу – прикинул, потом просиял.

– Зову Шурика, давай перевозить его. Сейчас позвоню Ольге, скажу, что отправляю тебя в командировку до пятницы, а ты убери народ из коридора.

Я кивнула. То, что с налету с Мерлином не разберусь, было понятно. Может, дома мне и вправду будет сподручнее господином волшебником заняться. Пока – так сплошная растерянность.

Весьма хитроумным образом, через грузовые лифты, мы спустили Мерлина в машину.

Водитель Игоря Владленовича (а заодно штатный водитель нашей редакции и временами курьер) Шурик копировал манеру поведения водителя грузовика из знаменитого российского фильма «Ночной Дозор». Мерлина свалили на заднее сиденье без особых хлопот, если не считать вспотевшую лысину шефа и много километров его же впустую растраченных нервов. Я пожалела, что не умею левитировать крупные предметы – только себя и всякую мелочь вроде ручек, спичек и бумажек. А Олег Евсеев, несмотря на худощавость, был достаточно крупным предметом.

Я жила в получасе спокойной езды от редакции, в однокомнатной квартире, которая была предметом моей особой гордости, моим орлиным гнездом. Кухня площадью примерно двенадцать квадратных метров позволила поставить туда кушетку и обитать там, а собственно комнату я превратила в плацдарм для посиделок, тусовок и всякого рода экспериментов. Без особой предварительной уборки посторонних я туда не пускала; впрочем, я вообще старалась посторонних в свою квартиру, жизнь и душу не пускать.

Но сегодня в комнату, на отличный ортопедический матрас, заваленный-засыпанный подушками и пледами, мы с Шуриком и повалили Мерлина. В машине я попробовала заговорить мышцы его ног и спины, это заняло много времени и потребовало приличных сил, но худо-бедно я управляла телом Олега. Хотя со стороны мы вдвоем и смотрелись как бездарные алкоголики, все же великий маг и волшебник не висел на нас полным весом, а греб задними конечностями и держался почти вертикально. Он двигался, время от времени изрыгал угрозы насчет конца света и жаловался папе на скверное обращение. Я совсем не чувствовала изнеможения и мерзкой голодной дрожи после этой непростой работы. Спасибо Инне!

Пока я возилась с ключами, а Мерлин стоял прислоненный к стенке холла перед квартирой, он вдруг внезапно поднял голову и достаточно ясно произнес:

– Кот!

Я перестала бренчать металлом и насторожилась. Мне тут же вспомнился засеченный в кабинете Игоря Владленовича смазанный и какой-то неправильный образ зверюшки.

– Что – кот? – спросил Шурик, придерживая Олега за плечо. Он-то довольно откровенно развлекался.

– Чуть не загрыз, – сказал Мерлин и начал падать.

Я спохватилась, отперла дверь, и мы вместе отволокли спящего красавца к месту его очередного временного приюта.

Закрыв дверь за Шуриком, я нажала кнопку кофемашины, распахнула все окна в мир и села на высокий стул около парапета балкона. Я жила на двадцать втором этаже, и с моего северо-запада была видна вся Москва, по великому счастью не загромождаемая никакой другой высоткой.

Олег Евсеев, сын инопланетянина, человек с особой генетикой, не подвластной злу, способный подсоединять свой мозг к камере телефона, которого чуть не загрыз кот, валялся в подушках в данный момент совершенно беззвучно. Глубины его транса оставались пока неизведанными для меня. Я прочитала эсэмэску от Ольги: «Спецвыпуск!», содрогнулась; затем лениво дотянулась до трубки городского телефона и, поставив перед собой чашечку кофе, вытащила клочок бумаги с данными Евсеева. Набрала один полезный и хорошо мне знакомый номер.

– Ник, ты, как всегда, не вовремя, – буркнул Вася.

– Да ладно, – проворковала я, – жрешь пиццу, которую выиграл у капитана Егорова еще вчера путем мелкого мошенничества, и пьешь растворимую дрянь по имени кофе. Проверь мне одного пацана.

– А чё с ним? – Васька теперь чавкал прямо в трубку.

– Пропал. Дам городской телефон и имя-фамилию-отчество, даже данные паспортные могу дать, пробьешь?

– Угу. А на самом деле он где?

– А ты вечером ко мне собираешься?

– Ну да... Чед же приехал...

– Вот и покажу где.

Васька помолчал. Пицца у него с сыром, оливками, колбасками пепперони.

– Так сама и спроси у него, пропал он или не пропал, – выдал финальный логический продукт Вася.

– Не могу пока. Мне бы узнать, один он живет или с родными, будет ли его кто-нибудь искать или нет, а заодно – соответствует ли адрес прописки адресу фактического проживания. Ага?

– Да без проблем... к вечеру доложу... мясо в горшках с фигней сделаешь?

– Сейчас вытащу размораживаться.

– Угу...

Под кодовым названием «фигня» у мента, простите, полицейского Василия Ларионова шли курага и чернослив.

Я неспешно прогулялась до холодильника, соорудила длинный сэндвич из черствого батона, с салатными листьями, майонезом и подсохшей сосиской. Подумала, накрыла сыром, сунула в микроволновку.

Вытащила порционно нарезанное мясо, замороженное еще на прошлой неделе для особого случая. Случай, как я предполагала, вернулся из командировки и уже выбирает в каком-нибудь бутичке на вечер напитки и укладывает их в рюкзак, обматывая множеством пакетов, чтобы не побились.

– Тань? Тань, привет.

– Никусь, я припоздаю, наверное, зато пойду мимо точки. Тортик принести?...

– Да, с фисташками или малиновый... а еще сметаны литр, наверное... Танюх, тебя на карете могут подкинуть?

– Ну, если подумать, то могут, а что?

– Ты тогда приезжай со своим сундуком.

– О-ой, ну Ник, ну договорились же посидеть, у Чеда первый вечер свободный за бог знает сколько времени, а ты...

– Ну, то есть то, что я приболела, ты вообще не допускаешь? – фыркнула я.

– Если честно – нет! – решительно ответила Таня. – У меня такого плана ясновидение тоже имеется!

– Ну и ладно... главное – приезжай. Мы давно все вместе не бу... не сидели!

– Буду-буду...

Я дала еще пару указаний и приступила к кулинарному ритуалу.

Мясо в микроволновке оттаяло, но по старинке я все равно резала, клала в слегка теплую, подсоленную воду, потом чуть отбивала, окунала в молоко и только потом мариновала. Охлажденное мясо первой свежести таких процессов не требовало, а размороженное – ну извините. Было бы и охлажденное, не велик труд купить, но виновник банкета объявил о своем возвращении только с утра в понедельник, когда я выбегала на работу.

«Фигню» я закинула в коньяк, пусть набухает и набирается аромата, а потом вместе с остатками спиртного пойдет в горшки. Туда же я насыпала предпочитаемых специй.

Нечеткость ситуации, которая поначалу развеселила, сейчас стала раздражать и немного пугать. Я ощущала беспокойное сознание Мерлина, прочно заблокированное в некоей абстрактной глубине его натуры. В какой-то момент я, разглядывая острейший нож из керамики, не удержалась. Вымыла руки, поставила в автоматическую медицинскую «ручку» из аптечки новый стерильный ланцет и выудила из пальца вялой руки Мерлина каплю крови, пытаясь из нее же выудить и информацию.

Лизнула.

Странно, парень в самом деле был «не такой». Конечно, экстрасенс со смешанным или темным Даром или попросту специализирующийся на магии крови сумел бы сказать больше. Однако и я поняла, что у него какое-то экзотическое происхождение, Мерлин не так сильно отходил от истины, как я подумала в редакции.

Тут же захотелось поискать у него за ушами порты для оргтехники и гаджетов. Вдруг все-таки киборг или сын инопланетянина?...

Вернулась к мясу, разложила его по горшочкам, поставила тушиться. Полдня командировки работали мне в плюс, но Мерлин покоился на совести тяжким грузом.

Снова вымыв руки (заодно сняв за двадцать четыре биения своего сердца струей воды ненужную информацию и почистив энергетику), я села возле парня. Закрыв глаза, я пробовала пройти по переплетенным каналам сознания Мерлина. Однако этот сон отличался от всего, с чем я сталкивалась ранее. Проще всего мне было сравнить состояние Мерлина с состоянием рыцаря, который из каких-то соображений взял и запалялся внутри доспехов наглухо. Припоем, если так можно выразиться, была сильнейшая эмоция, в данном случае – страх. Ткнув случайно в этот страх, я обнаружила, что субстанция активная и заразная. На веках моих закрытых глаз заплясали красные сполохи, словно язычки огня, а руки (я сложила пальцы в один из Ключей) стали холодными и липкими. Попытка просочиться сквозь припой внутрь, чтобы выяснить причины столь плачевного состояния господина Олега Евсеева, закончилась ощущением панического трепета, внутреннего биения его сущности и уплотнения всех защитных структур. И в то же самое время я краем уха слышала, что Мерлин продолжает лепетать что-то на тему конца света и вселенского зла, и еще – органы его чувств отлично работают. Он воспринимал звуки, ощущал телом мой прекрасный матрас, временами видел окружающую его обстановку, но не осознавал это все, а лишь воспринимал рецепторами. Воспринятое куда-то уходило размытой ненаправленной волной. Впрочем, отсюда особо далеко не уйдет. Это же моя квартира.

Скрипнув зубами, я начала искать в защите хоть какую-то щелочку. Парня требовалось убедить, что все в порядке, расслабить, пообещать защиту и спросить, что же произошло. Я

настроилась, сосредоточилась и даже успела увидеть нечто вроде дверного проема, в углы которого воткнуто два огненных, пылающих кинжала... картинка показалась смутно знакомой, но рассмотреть я ее не успела.

Мои руки утонули в огромных теплых лапищах. И я сразу выключилась из сущности господина Мерлина.

Разлепила глаза, заранее улыбаясь.

– Ксенька, ну у тебя и видок, когда ты колдуешь. – Густой, наполненный силой голос Чеда вибрировал. – Сама белая, у глаз синева, пульс такой, что все тело трясется.

– А то ты не знаешь, светлый пан, что, когда я, как ты выразился, колдую, меня трогать нельзя, – отозвалась я, невольно улыбаясь.

– Да помню, но жалко тебя. Что за тело на нашем матрасе?

– Отдельная история. – Я встала, опираясь на руки Чеда, и в очередной раз восхитилась, какой он у нас замечательный.

Нас было четверо, как мушкетеров. Дачная компания. Вася, Таня, я и ясновельможный пан Евгений Доброславович Чедерецкий, с детства сокративший свою фамилию до клички Чед, проводили вместе, не расставаясь ни на минуту, все дни летних каникул с третьего до девятого класса. Нас растаскивали за уши, грозили страшными карами; Чед прогоняли «от маленьких» – он был на три года старше нас с Васькой и на четыре года старше Танюхи. Прогоняли... и все равно спустя ровно тридцать минут после очередной выволочки мы ловили верхоплавков в реке – все вместе, катались со стога – все вместе, играли в «Мафию», в «Монополию» или карты, собирали ягоды в лютом густом малиннике, читали заданное на лето – или слушали необходимые литературные произведения в лаконичном пересказе Чеда. «Тетка замужняя втрюхалась, наделала мужу рогов, сиганула под поезд».

У нас было минимум три штаба в разных кустах. В одном из штабов, в зарослях черной рябины, даже имелся сломанный холодильник, внутри которого хранился помятый самовар, кирзовый сапог, сомнительного вида заварка в грязной стеклянной банке и запас хорошо высушенных шишек.

Иногда мне казалось, что истинная моя жизнь тогда-в третьем классе – началась и тогда – в девятом – закончилась. И прошла она преимущественно в летнее время года, оставив невероятные по красоте и четкости воспоминания.

После десятого класса я в Васильевское больше не возвращалась.

В любом случае, несмотря на спонтанные вспышки яснознания и прочих экстрасенсорных проявлений, тогда я еще не являлась собой... и была при этом абсолютно счастлива, вплоть до момента, когда мне пришлось приехать в Москву к деду.

Ну а теперь вся четверка имела ключи от моего чердака мира, и друзья являлись ко мне всегда, когда хотели, без предупреждения. Сюда из-под дачных кустов переместился наш штаб, а мы негласно считали свою компанию истинной, самостоятельно избранной семьей.

Чед сунулся в духовку:

– Не горит? А чего в горшках сметаны нету? Мясо с фигней? А салат где? И хлеб?

– Пока мясо в бульоне и маринаде, а скоро Танюха сметанки принесет – добавлю, – отозвалась я. – Салат и хлеб надо нарезать...

– Так что за тело на матрасе? – Чед скинул мотоциклетную черную куртку, стащил с головы бандану, которую наматывал под шлем. Полез общаться к моей кофемашине, которую, к слову сказать, сам же сюда и поставил.

– Автор!

Чед искоса стрельнул серыми глазами и уважительно присвистнул:

– Круто пишет пацан!

Я рассмеялась. Чед был такой большой, сильный (когда-то участвовал в юношеских конкурсах по бодибилдингу и даже брал призы, потом ему стало неинтересно, но поджаро-про-

качанную форму тела соблюдал) и такой свой, что просто от одного его приезда становилось замечательно.

– Так, Ник, может, его разбудить? Давай отнесу его в ванну, польем холодной водой, и пусть идет себе дальше писать...

– Чед, так нельзя. Это, считай, работа на дом. Если его будить методами шокотерапии, мало ли что может у него лопнуть.

– В смысле?

– Ну, сосуд какой-нибудь...

– Сосуд... светоч журналистики, сосуд знаний... ладно, Танька приедет, глянет его, – ворчливо согласился со мной Чед и завозился на кухне, разматывая бутылки с напитками, доставая бокалы, двигая стол.

– И Вася мне про него узнать должен.

– Ларри узнает, Ларри придет, Ларри кого угодно найдет...

– Да брось прикалываться...

– А если честно – чего он тут у тебя валяется? – притормозил Чед.

Я рассказала. История Мерлина пока что уместилась в пять или шесть фраз, самой яркой из которых была та, что описывала его местоположение на потолке сегодня утром.

Чед выслушал без большого энтузиазма на лице и подытожил:

– Зашибись. Ты с таким сталкивалась?

– Нет...

– А с похожим?

– Нет... Пулю посмотришь?

– Давай... эта?... подделка под пистолетную, мелкий калибр. Собственно, бронзулетка, бижутерия.

– Не настоящая?

– Нет.

Когда собралась вся теплая компания, утихли возгласы, угасли объятия и прекратились гулкие хлопки по плечам и по животику Васи, мне пришлось повторить спич про спящего Мерлина. Татьяна наотрез отказывалась идти к нему, не прослушав «историю болезни». Ларионов дополнил рассказ сведениями, что живет наш Мерлин один, поочередно схоронив маму и старенькую бабушку (именно в таком порядке), в настоящий момент не работает, а прочие изложенные им на собеседовании моменты относительно образования и круга интересов совпадают с действительностью. Ну, насколько она известна полиции. Местонахождение и факт наличия отца-инопланетянина были полиции неизвестны.

Адрес прописки совпадал с адресом проживания, причем жил Олег на самом деле буквально в десяти минутах ходьбы от меня, по ту сторону Волоколамского шоссе, недалеко от храма Покрова Пресвятой Богородицы. Также доблестный полицейский попросил глянуть на телефон Мерлина, на его амулеты, на ключи, на рукопись и на портрет Иисуса, но бумаги-то остались валяться в редакции. Шеф торопился выставить нас с Мерлином вон, я едва успела ухватить куртку, поэтому сумела предоставить российской полиции лишь паспорт, телефон и связку ключей.

Кроме того, Васька отыскал страничку Мерлина на Фейсбуке. Там наше чудо записью от утра пятницы весьма туманно намекало на то, что стало причастно к величайшей тайне и идет в редакцию «Пифии» излагать ее благодарному человечеству. Статейки по оккультной и эзотерической тематикам он пописывал давно, но попытаться предать оные гласности через печатное издание решился впервые. Это у них у всех когда-нибудь да случается – впервые.

Наконец доктор, вооружившись своим сундучком со снадобьями, взялась за Олега.

– Ну что за дела... сколько не сидели вчетвером... и пожалуйста, пятый угол к колеснице... Ники, я бы на твоём месте напаялила на него подгузник, на мой взгляд, он давно не

того, может рефлекторно... и я бы, если честно, отвезла бы его к нам в неврологию. С каким-нибудь бесспорным первоначальным диагнозом.

– Но жизни его ничто не угрожает? – Мысль о подгузнике заставила меня содрогнуться. К такому повороту наших отношений я еще не была готова.

– Нашей жизни, – назидательно ответила реаниматолог Танька, вкатив Мерлину какой-то укол и складывая свои причиндалы, – ежесекундно, с того скверного момента, как мы появились на свет, что-то угрожает. Этому типу тоже. И тебе. И мне. И нам. Именно поэтому, став врачом, я стала убежденной чайлдфри. А угрожает еще и потому, что ты, как говоришь, не можешь видеть свое собственное и наше будущее. А может, наш кирпич уже положили на край крыши. Может, на наши рельсы Аннушка уже накапала масла, а тромб, готовый оборваться, уже созрел на стенке вены.

Я кивнула. Может быть.

У подавляющего большинства экстрасенсов имеется это ограничение – ну не видим мы будущего близких, дорогих и просто хорошо знакомых людей. Чужих читаем, своих – нет. Пользуемся интуицией и редкими приступами ситуативного яснознания, обычно о вещах второстепенных, как я увидела про пиццу и капитана Егорова. Именно из-за таких моментов Таня и подозревала, что я нагло вру и скрываю ужасную правду обо всех нас, особенно о Чеде, ночами постоянно мотающемся между городами на мотоцикле. А он любил позавтракать у меня в Москве, поужинать на Невском, а на следующий день обедать где-нибудь в Риге.

А те малочисленные экстрасенсы, которые могут видеть судьбы своих близких, мечтают, кстати, как-нибудь от этого видения избавиться.

Разложились, расселись. Чед нарубил салата, неровно дышащий к булкам Вася – хлеба. Мясо с фигней и с белорусской сметаной дошло до идеальной кондиции, Чед придирчиво покопался в бутылках и выбрал одну, наиболее, по его мнению, соответствующую ситуации и поданному блюду, но себе не наливал, цедил тоник.

А мне не сиделось. На меня нахлынула тревога, загасившая даже привычное чувство голода.

Я вскакивала, бродила из угла в угол, ловила себя на том, что как-то бездумно раскидываю и сворачиваю поисковую сеть. В итоге я натолкнулась на твердый, как кусок гранита, взгляд Чеда и пискнула:

– Ребят, вы посидите тут? Я в редакцию, на полчаса...

– Девять вечера, – напомнила Танька и насупилась.

– Ты нас одних бросишь с этим? – брезгливо выпятил губы Вася.

– Вас тут мент, врач и... э-э-э... Чед, – жалобно сказала я. – Что вам спящий Мерлин сделает? Что может случиться? Все, кого надо вызвать, если что, уже на месте.

– Их тут мент и врач, – сказал Чед. – Я тебя отвезу.

– Женька, какой ты хороший...

– Я не хороший, я практичный. Если тебе не сидится, проще тебя быстро закинуть туда и притащить обратно, то есть присмотреть, чтобы ты вернулась, – улыбнулся Чед, пристраивая обратно свою бандану.

Вася и Таня посмотрели друг на друга; лязгнули клинки. Когда-то эти двое, единственный раз за всю историю компании нарушив наш мушкетерский договор, переспали, и этот факт до сих пор отравлял им жизнь.

– Вы езжайте, – угрожающе сказала Танька. – А я тут проверю, сколько раз современный российский полицейский сможет отжаться после двух горшков с тушеным мясом и какое у него затем будет давление...

– Я еще ни одного не съел, – возмутился Вася. – Я про два только думал!

– Не будь садисткой, у него пузо лопнет. – Поддержав диалог, я выскочила из квартиры за Чедом, сунув в карман кожанки пропуск и пресс-удостоверение, телефон и смятую тысячную

купюру. Правило такое – без этого набора никуда. А нож и зажигалка в кармашках лежали постоянно.

Глава 3

Ночь с приколами

Считается, что нечистая сила стремится пролезть в наш мир в щелочку между 24:00 и 00:00. Вот так, все спят, она – работает...

Я всегда любила ездить с Чедом. Мне нравилась скорость, нравилось быть так близко от него, нравился его парфюм, его тело, его шикарный «харлей». Нравились запахи самого мотоцикла, дороги и кожи. Эротическими эти мои позитивные эмоции мне бы в голову не пришло называть; с эротикой и взаимоотношениями с противоположным полом в моей биографии имелись определенные трудности.

Но при любой удобной ситуации я старалась быть к Чеду поближе.

Сейчас поездка была подпорчена сильнейшей тревогой, которая гнала меня как ударами бича. Я жалела, что Чед нарушил медитацию, разорвал мою связь, установленную с сознанием спящего красавца. Оставлять человека в таком состоянии дальше и впрямь было безответственно, о чем мне недвусмысленно сообщал сейчас Дар. Ситуация менялась в худшую сторону, и мне надо было находиться в эпицентре этих перемен. Хотя где, как и почему происходили эти перемены – я пока не знала.

Я спрыгнула около внешней проходной. Так как в дневное время, пока работала секретарь Анечка, пропуска на Чеда я не заказала, ему пришлось остаться снаружи. Мы коротко переглянулись; я знала, что Чед, если это будет надо, форсирует оба поста охраны и придет на помощь. Хотя страховал Евгений меня крайне редко, в основном мотаясь по своим сложносочиненным делам, эта процедура как-то сама отработалась до полного автоматизма – еще со времен налетов на чужие яблони и картофельные грядки.

Махнув пропуском, я взлетела на третий этаж. Второй пункт охраны – верхний, непосредственно при входе в офисные помещения. Вахтенный подивился, но пропустил.

Вот и кабинет шефа! Заперто; вернулась к охраннику, который уже готовился лечь спать на боевом посту, и попросила ключ. Расписалась...

Снова подбежала к двери... вот. Да-да.

Вот он, этот дверной проем с пылающими кинжалами. Это не кинжалы вовсе – это мои охранные булавоочки, которые я воткнула в косяк из чистого озорства. Ну кто может совершить магическую атаку на кабинет шефа издательства, выпускающего «Пифию» с приложениями?... А вона же – артефакты, выполненные мной, признаюсь, без особого тщания, работали!

У меня не было ресурсов для магической схватки, а сияние булавок могло означать только близость недруга. Потому я встала боком в дверном проеме, чтобы видеть и кабинет, и коридор, вынула из кармана ножик, подняла левую руку, на запястье которой на браслете болтался защитный Талисман, сделанный моей Наставницей, и замерла.

Тишина и темнота... домовые беззвучны, и даже энергетически их присутствие едва читается. Зато, несмотря на множество людей, прошедших за день по кабинету, очистилось информационное пространство. Я Видела особым зрением подсвеченные следы эктоплазмы на потолке, брызги ее же на стенах и полу, которые не рассмотрела ранее; слегка флюоресцировал диван, на который свалился Мерлин...

Иголки в косяке светились, отдавая последние крохи магической силы. И в тот момент, когда они погасли, я отчетливо увидела...

Кота...

Мерлина, из рук которого вырывают его жалкий рюкзак...

Нашего охранника, который дежурил в выходные, – глаза белые, руки отключают камеру слежения...

Затем Олег как-то вывернулся из ментального захвата и побежал... побежал сюда... Почему сюда?... Дверь полуоткрыта, обычная халатность уборщиц... искал убежище...

Попробовал закрыть дверь...

Вот его подхватывает какая-то сила, бросает и... приклеивает к потолку длинными липкими щупальцами спрута! Мои булавочки взрываются силой и отсекают тело спрута: тот, кто бежал за Мерлином, тот, кто вынудил его сюда прийти и кто забрал его рюкзак с компьютером, не смог войти и отодрать несчастного с потолка... Значит, он был сильно активирован и являлся экстрасенсом высокой октавы: сняв активацию, сюда можно войти запросто, но это не всегда можно быстро сделать...

И я почти увидела, кто это, хотя и не разобралась зачем – но тут запищали домовые, как будто их всех разом отпустила какая-то сила. Я услышала мысленные голоски и Кеши, и Севы с Даней, и даже парочки духов с других этажей: опасность! Вот мерзавцы, как делиться информацией – так наше дело сторона, а как что-то горячее – разорались...

Одновременно меня окатила лютая досада – надо же, простой магический Зов, а я и прибежала, как полная дура, приняла его за интуицию...

Еще через долю секунды меня ухватил за горло и прижал к стене парень, подняв над полом сантиметров на десять. Я махнула ножиком – парень досадливо стряхнул его из моей руки; потянулась к Талисману – но сейчас мой противник был неактивен и попросту использовал свое преимущество в силе и росте.

– Ух ты, какая грозная, – вполголоса сказал он. Слегка картавил, приятно грассировал, но мне было не до наслаждений мужским голосом.

Я извернулась и попробовала дать парню между ног – но тоже не удалось. Ах, завидую я мелким пигалицам из голливудского кино, которые спокойно укладывают в штабеля плохих парней на две головы выше их самих...

– Ты не брыкайся, – почти мирно продолжал парень. – Мне тут не нравится, а поэтому отдай мне рукопись этого придурка, все распечатки. Потом я спокойно уйду. Он же к тебе пришел? Как к редактору?

– А потолок... – просвистела я.

– Потолок – побочка, – проворчал парень. – Рассекло поток твоими шпильками. Но видишь, выдохлись.

– Экто...

– Не любопытничай. Я тебя не знаю, ты меня, и никогда не узнаем лучше, и необходимости нет. Отдай распечатки, и я спокойно отвалю.

– Нету их-х!

– Выкинула? Придется поискать...

– Сам ищ-щи...

Я точно помнила, что распечатки валяются у меня на столе. Но раз такая ситуация – их не следовало отдавать... парень сильно недоговаривал, но был полностью непроницаем для моей поисковой сети... надо же – мечтала встретить такого мужчину, и вот он. Понедельник, день Луны, мечты сбываются...

– Поищу... для начала твой рабочий стол поищу, ты тут хорошо натоптала, нетрудно будет...

Спустив меня на пол, парень безошибочно двинул в нужную сторону. Сева и Даня выкатились из-под дивана и замахали своими заточенными ложками – но придумать, как мне помочь, домовые не могли, да и обязаны не были, скорее просто выказывали солидарность мне и негодование пришельцем. Я изворачивалась, чтобы двигаться удобнее и выиграть время,

но хватка у моего неприятеля была железная. Периодически он меня поддушивал, буквально одним пальцем.

– Ну вот, – сказал парень, останавливаясь около запертой двери нашей общей рабочей комнаты. – Открывай!

– Ключа нет...

– Да и не надо... – Не отпуская меня, он вдруг как-то ловко поднажал плечом на дверь, а свободной рукой на дверную ручку – хлипкая дверь открылась. Столы, серые перегородки, полудохлые компьютеры, половина из которых оставлены включенными на ночь, чтобы завтра не ждать десять минут загрузки.

Я резко трепыхнулась, но вырваться не удалось. Как же там, в самбо?... Бить в голень?...

– Пусти! Душ-ши-шь!

– Сначала найдем бумажки...

– Пс-с-сих!

Игнорируя наезд, парень потащил меня к моему столу. Я тем временем засекала край его ауры и обомлела. О таком моя Наставница только рассказывала мне, высказывая при этом весьма энергичное пожелание никогда, ни при каких обстоятельствах, с этими людьми не сталкиваться. Их было мало, они были легендой, но они... были.

Парень что-то ощутил, закрылся, уплотнив внутренний защитный слой. Но я уже почти догадалась.

– Кто на фотке?

– Иисус, естественно...

Парень бросил меня в угол возле моего стола и начал небрежно, но очень уверенно рыться в моих вещах.

Распечаток в современной редакции крайне мало. Мы экономим бумагу – бережем финский лес, и практически все газетные процессы сведены теперь к обмену файлами. Однако для особо одаренных авторов правило есть – и файл, и распечатка. Это правило и выполнил Мерлин. Таким образом, его распечатка была в обстановке хаоса моего рабочего стола единственной, причем хорошо заметной. Я до такой степени не придавала значения тому, что было отображено в тексте и на фото, что бросила их тут, а надо было забрать, надо было...

Я не так часто занималась расследованиями. В основном это были простые добротные повседневные дела экстрасенса – куда и зачем ушел муж, как построить карьеру, куда пойти учиться, чтобы заработать потом свой первый миллион, как разрешить жилищный вопрос. Расследования тоже были, но навыки еще не закрепились... а вот не зря полицейский Ларри спросил про эти бумаги...

Нехорошо светился хрусталь на столе Светика; фонило штук пять артефактов со стола Ольги, в том числе древний бронзовый колокольчик, привезенный одним из авторов из тибетского монастыря; вооружился острой булавочкой Кеша, но выйти на бой не решился. Подвешенная над моим столом авторская голландская кукла, ведьма на метле, тихо покачивалась и поворачивалась во все стороны.

Парень схватил распечатку, оперативно и очень уверенно пересчитал листы, изучил оторванный край с контактами Мерлина, убедился в наличии листка с портретом бородастого Иисуса и склонился на меня.

Ростом пониже Чеда, повыше Ларри. Около тридцати, блондин, побритый почти налысо – на голове осталось миллиметра по два волос. Лысеет? Узкое лицо, резко очерченные ноздри и скулы. И необычные глаза – светлые, не то голубые, не то серые, не то зеленоватые, мне не было видно; сейчас, при слабой подсветке, они сверкали как опалы.

У него не было на лице печати порока, или злобной мины, или каких-либо характерных признаков того, что я увидела в ауре. Интересный парень, возраста нашей компании, приятный – несмотря на то, что минуту назад он держал меня за горло. Впрочем, его Дар мог быть

как чистым, так и темным, так и смешанным... если это тот, о ком я подумала, то он чуть в стороне от прочей экстрасенсорной братии, в стороне от правил и обязательств. Кроме одного-единственного обязательства.

Я собирала себя в кучку, соображая, что делать; дверь в офис открылась.

Черная фигура Чеда.

– Ники?

– Так, – сказал парень. – На этом все, я пошел.

– Ники?...

– Чед, пропусти его, пусть идет...

– Что он тебе сделал? – угрожающе спросил Чед.

Блондин медленно продвигался между столами, постепенно активируясь; Чед, пригнувшись, шел ему навстречу.

– Чед, не связывайся... – пискнула я и прикусила язык.

«Не связывайся» – все, конец. Когда же я научусь следить за речью?

– Не связывайся, – подтвердил блондин.

Мне стало страшно.

Боевой маг.

Я набросила на блондина свою поисковую сеть, стараясь хоть немного ослабить эту жесткую, мужскую, режущую Силу.

Чед загородил выход.

Дальше события разворачивались стремительно. Незнакомец сунул руку в карман... и достал мягкую силиконовую детскую игрушку, панду. Чед напрягся в боевой стойке; блондин, попутно засовывая листки бумаги в карман куртки, встряхнул панду, из которой потянулась густая капля киселя... Я бросилась к нему и схватила сзади за плечи – но поздно: в руках блондина сверкала стальная катана.

Меня он отшвырнул одним движением.

Чед знал толк в оружии и в противниках. Он вовсе не собирался сдаваться – поднырнул под катану, попробовав применить к блондину обходной маневр; бесполезно. Я размотала руки, ноги и поисковую паутину – Чед, мой двухметровый непобедимый Чед стоял у стены с кончиком катаны, прижатым к шее. В том, что она острее любого настоящего оружия, сомневаться не приходилось.

– Все, собственно, – сказал парень. – Мне ничего не стоит тебя прикончить. – Чед бросил взгляд на меня, я кивнула. – Мне больше ничего от вас не надо, живите себе долго и счастливо. Что было надо – я взял и спокойно уйду. А ты, – он посмотрел мне прямо в глаза, – забудь ахиною, которую нес тот волосатый парень, он и сам ее не вспомнит.

А то, поняла я, и мне помогут забыть. Пара месяцев в неврологии у Тани под присмотром нянечек, в подгузнике, глюкоза внутривенно.

Чед страдал. Но, поймав мой взгляд, он поджал губы... и поднял руки, показывая ладони и соглашаясь сдать. В этой конкретной ситуации.

Долю секунды блондин еще был тут с катаной – и вот его нету, только на полу лужа соленого – я это знала – густого киселя. Разряженная экто.

Чед выдохнул.

Я выдохнула.

– Давай домой, – сказала я. – Быстро к ребятам и к этому, как его...

– Ты же понимаешь, – грустно сказал Чед. – Это теперь личное. Он мне железкой шеею царапал.

Я понимала. Чед такой. И это было ужасно. Потому что даже мой замечательный Чед против настоящего боевого мага – это неравный бой.

Мы поплелись к выходу. Предварительно я добрела до кабинета шефа и заперла его, подобрала в коридоре свой жалкий ножик.

Я чувствовала себя мерзко. Повелась как самая настоящая дурочка, прибежала, не сумела защитить рукопись – сейчас мне казалось, что каждый мой шаг был провальным. Перебирала в голове все подробности – от обнаружения Мерлина на потолке и до сего момента. Чед молча шел за мной. Мы прошли мимо охранника на нашем этаже – я оставила на стойке ключ от кабинета шефа; потом пересекли небольшой дворик, миновали плотного дядьку с поста охраны территории на выходе. Блеклый светлоглазый тип принадлежал какой-то особой разновидности Дара – заторможенные охранники, они словно не видели нас, безмолвно пялились в маленькие телевизоры. У боевых магов, вспомнила я, часто бывает многогранный Дар, который и делает их по-настоящему опасными и непредсказуемыми.

Мне никогда в жизни не противостоял другой экстрасенс.

Тем более такой.

Телефон завибрировал в кармане; я вытащила его, мельком заметив – двадцать два с небольшим; времени прошло всего ничего. А мне казалось, несколько часов. Значимые судьбоносные события всегда умещаются в короткие мгновения.

– Слушаю, Игорь Владленович.

– Ну как он?

– Спит. Я сейчас из офиса.

– Ну что?

– Пока примерно все то же самое...

– Голос у тебя уставший... я вот думаю... прокручиваю в голове все подробности... как ты думаешь, нам ничего не может угрожать? Мне? Газете? Тебе? Этому... как его... такое все же впервые случилось. Мы пока обходились... без эксцессов. Несмотря на тематику. А?

– Игорь Владленович, вы постарайтесь не волноваться. Я думаю, эта история к вам и к «Пифии» не имеет никакого отношения.

– А ты и этот... как его... Мерлин?

– За нас с ним не поручусь сейчас. Еще не поняла, угрожает нам что-то или нет. Но вы сами знаете, издержки. Люди эмоциональные и к журналистам, которые пишут на эзотерические темы, относятся по-разному. В том числе и агрессивно.

– А это... человек сделал?

– Игорь Владленович, ну не инопланетянин же! Это, как я вам уже и сказала, тот самый эксклюзив, который вы постоянно просите. Публикабельно?

– Нет...

– Вот в том-то и дело. Эти вот события... из жизни экстрасенсов и привидений... в газете не покажешь. Вы уж меня извините. Даже если бы у нас хватило самообладания и времени сделать его фотки, пока он еще висел на потолке...

– Я понял... ладно... если что-то потребуется, звони...

– Спасибо, Игорь Владленович... пока справляюсь.

Я сунула мобильник обратно в карман, взяла шлем, который держал наготове Чед.

– Его надо найти, этого... пижона... самурая...

– Чед, Ларри может поискать. И я поищу. По своим каналам. В любом случае нам лучше знать, кто он и откуда. Кое-какие догадки у меня уже есть.

– Еще у меня сложилось впечатление, что этому твоему соне нужна охрана.

– Честно? У меня никакого пока что нет впечатления, – ответила я.

Полная мешанина в башке. Надо вернуться и все разложить по полочкам. С ребятами поговорить. Может, безопаснее будет Мерлина в самом деле в больницу к Таньке засунуть. В психосматику, там окна с решетками и замки. С другой стороны, тут такое дело... в мою

квартиру даже этот лысый просто так не войдет, у каждого экстрасенса его дом – его крепость. Обычный вор или взломщик, может, и войдет, а экстрасенс нет.

Мы помолчали.

– Я думаю, – медленно сказал Чед, – что ты не должна нести за того сонного типа никакой ответственности.

– Я думаю, – отозвалась я, – что придется, плюс ты сказал, что это теперь и твое дело. А все, что касается тебя, касается и меня.

Чед неопределенно дернул плечом, и мы помчались обратно, к друзьям и спящему Мерлину, валяющемуся в моей рабочей комнате.

Обожравшийся и слегка осоловелый Ларри был противным до одури, особенно когда мы заставили его задействовать свои профессиональные качества. Как нападавший был одет, как себя вел, как именно картавил, какого именно светлого оттенка у него были глаза. Надо сказать, с его помощью мы с Чедом и вправду вспомнили все. Особенно настойчиво Васька напирал на тот момент, как именно блондин уделал Чеда.

Реаниматолог, врач высшей категории Татьяна Белкина десять раз промыла перекисью едва видную царапку, тонкую, как от бритвы, на шее Чеда и потом нежно залепила ее прозрачным пластырем. Она тоже при любом удобном случае старалась быть поближе к Женьке.

Чед терпел. Он с детства терпел. Можно сказать, он был первым подопытным пациентом человеколюбивой Татьяны, а потому знал – спасибо, шить не бросилась.

Потом меня заставили все записать, причем от руки, чего я не делала тысячу лет. Я думала, что мент Васька, словно психотерапевт со стажем, заставит меня, как трудного пациента, потом переписать показания левой рукой, но обошлось.

Получилось примерно следующее.

Нападавший. Мужчина, славянской внешности (блондин), глаза светлые, лицо узкое, телосложение нормальное, рост примерно 185–187 сантиметров, стрижка короткая (ежик).

Одет в вещи спортивного типа, темные: черная майка, серые джинсы, серая легкая куртка, черные кроссовки.

Говорит негромко, очень уверенно, правильно, привык к тому, что его слушают; неспешно, немного картавит.

Руки: грубые, с шершавыми мозолями, кисти и бицепсы очень крепкие (когда потом Ларионов с придыханием зачитывал документ вслух, Чед на этом месте хмыкнул). Такое ощущение, что руки он набил, занимаясь с оружием, они покрыты грубыми мозолями от какой-то постоянной работы или обожжены.

Запах: легкий мужской одеколон, какой, я не разнюхала. Еще я уловила очень слабый запах лошади, запах, который на конюшне пропитывает практически все помещения и все вещи, даже если они оставлены в комнате для переодевания. Тут Вася сразу приписал на полях моей нетленки: «Проверить клубы и ковалей», благо этот цех в Москве был пока малочисленным, хотя и обильным самоучками.

Умеет драться катаной. Скорее всего, вообще умеет драться. (Мое добавление было – «крайне опасен» и «!!!»; Чед морщился, но терпел.) Ларри дописал: проверить исторические и японские клубы.

В кармане носит детскую игрушку, наполненную соленым крахмальным клейстером. Возможно, следы клейстера имеются на большинстве предметов его гардероба... (Танька рвалась дописать – придумать, как с лету определять, что это именно соленый кисель, а не сперма, на что Ларри разразился краткой лекцией относительно обычных мест обнаружения спермы и путей ее возможного попадания в карманы мужской одежды.)

В случае необходимости может превращать чашку клейстера в оружие...

На этом месте Вася велел дальше не писать.

– Ник, ну как такое может быть? Что за Гарри Поттер? Одно дело – просто мысли почистить или что-нибудь по мелочам, как ты показываешь, другое – сделать из киселя боевую кагану... Я понимаю, Чед там был и подтверждает, но если ко мне придет тетка с такой историей... нет, ну если ко мне, то понятно... а в принципе – придет в полицию, что ей скажут? Точнее, куда... отправят?

– Сколько та панда вместе с киселем весила? – уточнила Таня.

– Ради бога! – раздраженно ответила я. – Я не взвешивала. Но если ты хочешь сопоставить массу клейстера и катаны, не стоит. Кисель, то есть заряженная заранее эктоплазма, используется только как основа материализации. Клейстера, может быть, сто граммов, а катана будет весить как настоящая, сколько она там должна... килограмм, два... просто не в руке мага она сразу... э... обтечет... и в его руке тоже обтечет в свое время. Это зависит от качества предварительной работы с основой.

– А ты так умеешь?

– Не прямо так, но могу немного.

– Ну ты партизан! – восхитился Васька. – Умеешь такое и молчишь в тряпку.

Я воззрилась на господина полицейского недружелюбно и с расстановкой заговорила:

– Ларри, если взять клизму или шприц и напустить экто в замочную скважину, а потом выполнить формулу материализации металла, будет ключ. К примеру. Благо сегодня на единственный механический замок немногие важные двери заперты, но ты учти. Клейстер потом высохнет и отвалится... кто будет искать остатки крахмального киселя в замочной скважине обчищенной квартиры?

Чед тем временем очухался; взял горшочек, начал уписывать мясо.

– Ну ваще, – сказал Ларионов.

– Да полная фигня, – отозвалась Танька. – Мерлина у себя оставишь? Магия магией, а потребности организма – потребностями. У нас есть квалифицированный младший медицинский персонал, капельницы и томограф для башки.

– Я вот думаю, – задумчиво сказал Чед. – Телефон у парня есть, а ему никто не звонит. Каким бы он ни был чудиком, все равно хоть кто-то да интересовался бы. – И поднял взгляд на настенные часы – 23:59.

И тут телефон, брошенный возле Мерлина на диване, разразился позывными: «Арам-зам-зам...»

Глава 4

Вторник. 26-й лунный день

*26-лунный день тяжел эмоциональными
всплесками и непредсказуемыми событиями*

Сказать, что компания подпрыгнула, – значит ничего не сказать.

Чужеродный звук был опознан сразу – позывные телефонов друг друга были нам хорошо известны. Ларионовский мерзко хохотал. Танькин выдавал какую-то стандартную мелодию, незатейливую и спокойную. Огромное устройство Чеда ревело как мотор мотоцикла. Мой распевал «Взвейтесь кострами, синие ночи». Почему – не знаю, я в пионеры уже не успела, но казалось прикольно в противовес расплывшейся эстраде.

Чед двинулся в комнату, но я юркнула вперед него и схватила трубку. Мерлин слегка возился и невнятно бубнил про конец концов.

– Але, – сказала я, искренне надеясь услышать тревожный девичий голосок. У меня в воображении даже нарисовалась нежная барышня, любящая оккультизм, поддерживавшая Мерлина в период его потерь и готовая усыновить волосатого мага на всю оставшуюся; а на шейке у девочки – цепочка с черной половинкой символа Инь-Ян...

– Я все о тебе знаю, – негромко сказал в трубку мужской голос. – Считай, я все время наблюдал за вами, как вы этого волосатого парня катали-перекладывали. Я знаю твой адрес. Квартира у тебя защищена, спорить не буду, но до порога я его проследил. Вас там четверо, это я чувствую. Вы напрягитесь и примите правильное решение. Не пугаю, но история должна закончиться, не начавшись. Олег Евсеев придет в себя через день-два и вряд ли вспомнит хоть что-нибудь из последних событий. И вы забудьте.

Мои поисковые нити бились в телефонных проводах, огибая помехи, сражаясь с багровой, сверкающей ослепительными разрядами аурой собеседника; это было красиво и жутко до одури, меня даже затошнило... высшая октава, надо же, насколько выше моей собственной...

Надо было продлить время разговора; я не знала технических возможностей полиции, но сама что-то нащупала, а Ларри корчил ужасные рожи, махал руками и куда-то звонил... и мне на помощь пришел мой идиотский профессионализм...

– Хорошо, конечно! Послушайте, я понимаю, какая у вас экстрасенсорная специализация... если вы все обо мне знаете, может быть, вы согласитесь дать мне интервью?... О вас может написать только такое издание, как «Пифия»... вы делаете исключительные вещи... мой Дар невелик, семейная магия, оздоровление, информация... но вы...

– Ты предлагаешь встретиться?

– Нет... да... ну то есть да, но не в том смысле, не в личном, а в профессиональном! Я – да, я приглашаю вас в кафе, ну или просто куда-нибудь, расскажите, пожалуйста, о себе, если можно... я обещаю максимальную конфиденциальность...

– Я не поощряю интереса к себе. – В трубке что-то треснуло; я ее выронила и, ругаясь и шипя, заскакала, трясая головой. В уши как будто засунули по злой пчеле, а поисковую паутину отрубили грубо, порвали... может, боевые маги не могут по-другому?... Например, просто нажать отбой?...

Ларри с интересом поднял трубку. Поковырялся, показал оплавленные внутренности и обугленную симку.

– Ну, тут не все уничтожено, – сказал Чед. Он вовсе не сдался – наоборот, бравада Даром окончательно настроила моего друга макнуть мерзкого типа в сортир. – Что-то можно извлечь.

– Я немножко извлекла, – сообщила я, растирая виски. – Он сейчас в районе Отрадного, откройте карту на каком-нибудь компе, быстро, ткну дом... по крайней мере, сейчас он был там... неподалеку...

– Зачем портить устройство? – спросила Танька.

– Чтобы обратный номер не считался, – отозвалась я. – Он... он офигенный, ой, пардон, в смысле офигенно сильный экстрасенс, я даже не понимаю, как мне удалось его проследить... просто удача...

– Во. – Ларри сунул мне ноутбук с открытой Яндекс-картой района метро «Отрадное». Я ткнула дрожащим пальцем, и Ларри рьяно рванул копаться в компьютере.

– Журчат ручьи, – объявил Мерлин, не открывая глаз. Таня сунулась к нему, пощупала пульс на шее, приподняла веко, принялась и ушла в комнату к окну, встав перед ошеломительной панорамой Москвы, которая досталась мне вместе с квартирой.

– Иринсильевна?... А, Любгеоргивна... ага... ага... не-а... а мне бы перевозочку... ага... не, можно без санитаров, тут полиция, вынесем... ага... да приятелю стало плохо... ага... на месте глянем, или в психосоматику, или в неврологию... ага... ну падал немного... да... да хрен знает, сколько ему лет, на месте разберемся... да, перезвоните... ага, через час нормально... адрес щас... записываете?... Паспорт щас... тоже есть... да.

– Офигенный, говоришь? – буркнул Чед о наболевшем.

– Ты такое видел когда-нибудь? С катаной? – спросила я.

– Нет, но надеюсь изучить явление поближе...

В моей голове кратко мелькнула картинка вероятного будущего – взмыленный Чед с голым торсом упражняется в бусидо... Ну да, ну да.

– Догрызаем килокалории, – едко объявила Таня, – и ждем перевозку. Вы как хотите, а я намереваюсь сделать что-то полезное для Никуськи, ибо вот оно, на матрасе, все равно нуждается в удовлетворении физиологических, так сказать, потребностей. Офигенный мальчик с пандой, не офигенный, может он плавить телефоны на расстоянии, не может, а тело из штаба надо убрать.

Мы безмолвно восхитились нашим самым замечательным в мире доктором Татьяной Белкиной. Собственно, я уже неоднократно думала, как буду ночевать в неоднозначном обществе Мерлина. С другой стороны...

– Белка, ты его в двухместную палату запихнешь?

– Если тебе надо будет с ним медитировать, его проще будет откатить в процедурный кабинет, – буркнула Белка. – Ну или в ординаторскую, вытурить оттуда чуваков... и вы окажетесь абсолютно наедине.

Я была изнурена. Промелькнула мысль о граммах Инны, которые покидали ее с завидной скоростью. И все же... именно сейчас, когда я изнурена и меня можно свалить крылом бабочки...

– Ребята, дайте мне пару минут, пока карета едет, – попросила я.

Ларри, Чед и Татьяна послушно скучковались на кухне, а я снова присела на край самого ортопедического матраса в Москве, в комнате. Сосредоточилась на Талисмани, подаренном мне Наставницей. Сложила пальцы в особый Ключ.

Моя поисковая сеть истощилась и была почти разрушена; мне нужно было время и душевный покой, чтобы снова сплести ее и напитать Силой. Экстрасенсорика и разные формы Дара – это вам не колдунство из детских книжек. Само по себе, легко и просто, ничего не бывает.

И все же я самыми краешками истончившихся ниточек, слегка, словно бы даже и не вмешиваясь, коснулась сознания Мерлина, провела, как пушинками, у него под веками, присоединилась к зрительным нервам...

Мне открывалась история Воздействий. Не Событий, а именно Воздействий, которым подвергался бедный парень. Мерлин заскулил, жалуясь сквозь свое бредовое забытие. Я нежно проходила по белому волокну нервов, по красным трубочкам сосудов, вместе с течением крови, с биением пульса, стараясь воспринять, понять, что же с ним такое было. Что с ним сейчас – и Танька разберется, на крайний случай электрошок – наше все, а вот что было... Информация – это, в конце концов, моя прямая область деятельности...

Я ощущала, что по лбу потек пот. Меня затрясло. Я закусила до крови край губы и жевала ее. Если бы поисковая сеть работала на полную силу, я бы не прошла. Я и теперь прошла не полностью, но увиденное заставляло меня словно бежать, бежать, напрягая мышцы, бежать изо всех сил...

Бежать из Москвы.

Зло пробудилось и в самом деле было готово пожрать город.

Такое зло, о котором журналисты «Пифии» иногда писали для повышения рейтинга издания. И в конце обязательно успокаивали – такого больше не будет, в любом случае не здесь, не сейчас, не с нами.

Зло прошло сквозь Мерлина и не тронуло его, не смогло, из-за редкой разновидности Дара этого волосатого парня. Не знаю, кто там был папа, но постарался он на славу.

И какие-то размытые фигуры.

И вроде бы... вроде бы... это лицо... или морда?...

И на страже Зла, слегка сбоку, будто бы в стороне, но все же на страже, стояла пылающая фигура воина с катаной...

– Ла-арррии... – взывала я сквозь прокушенную губу, – вы-ы-ызови наряд-ад...

Судя по топоту, который долетел до меня, друзьям передалось мое дикое напряжение...

... Потом я сидела на кухне, рыдая на плече у Чеда, и пыталась объяснить, как мне страшно. Чед разжал свои стальные руки только для того, чтобы забросить на плечо Мерлина («Истинно глаголю, горим в геенне, и никто не в безопасности», – сообщил он при этом и, Даром клянусь, был прав) и унести в карету. Ларри колготил рядом. Многочисленные цапки Олега я сунула тому в карман – он к ним энергетически привык, может, они ему и вправду поспособствуют...

Наконец я напилась нагретого вина, наелась мяса с фигней и обнаружила, что Белка умотала с пациентом, так как без нее никто не справился бы с формальной стороной вопроса даже при наличии паспорта; Ларри вопросительно вьется около двери, а внизу в машине сидят двое полицейских.

– Ты готова? – спросил Вася.

– Поехали. – Утерев нос, я встала и накинула черную курточку. – Поехали... или даже пошли. На самом деле недалеко. Нам нужен подвал дома, в котором живет Мерлин. Ну и его квартира. Мы же можем?...

– Можем, можем, – проворчал Ларри. – Захотим – так сможем, чай, в России живем. – Так это в паре кварталов всего... хорошо, что не какое-нибудь Бутово...

– Не надо Бутова... все здесь, рядом... слишком близко, ребята.

Ларри и Чед притихли и шли за мной как два оруженосца. Я знала, что у Чеда есть нечто вроде кастета и сам Чед, а у Васьки в принципе – не сейчас – имеется табельное оружие. Пистолет.

Но ни у того ни у другого не было в кармане детской игрушки, наполненной соленым киселем. Чтобы если что...

Силуэт с катаной стоял по ту сторон баррикад.

А мы шли не играть. Весело оказалось только вначале.

Дом тянулся длинной мрачной стеной.

Шестиподъездная девятиэтажка стояла в уникальном по красоте месте Москвы, но... но мне сейчас, майской ночью, она показалась оплотом орков. Ситуацию не спасали ни храм неподалеку, ни очаровательная девушка, сильно припозднившаяся, бежавшая к дому, ни уютные огни окон полуночников. Еще больше меня напрягла машина скорой, стоящая около шестого подъезда. Но нам надо было в первый. Точнее, в подвал. Я точно знала... подвал должен быть. Низкое затхлое помещение, воняющее нечистотами, в которое ведет короткая узкая ржавая лестница. Потолком служит пол подъезда.

Мы бродили вокруг торца здания. В конечном счете вход показал худой туркмен в оранжевой жилетке. Сами уборщики жили в такой же камере под четвертым подъездом.

– Замок вешаем, сбивают, – сказал туркмен. – Снова вешать – денег нет. Жить нельзя, низко, сыро, пол разбили. Хотя очень тепло, труба идет.

– Ларри, – сказал один из полицейских, – а ведь это дрянной домик.

– Точно, – задумчиво произнес Васька. – Ники, ты прикинь, у нас в этом доме два суицида и три убийства за неделю... в том числе мать ребенка из окна выкинула... прозвали дрянным домиком...

Я остановилась и уставилась на скорую.

Туркмен, махнув рукой, исчез в ночи.

– Ладно...

Было очень страшно. Чед почувствовал, что меня колотит, и прихватил за плечи.

Полицейские, включив мощные фонари, спустились первыми, мы следом. Женьке пришлось стоять нагнувшись. Но помещение, хотя и оказалось низким, было большим, как зал, кое-где пересеченным коммуникациями.

Подвал этот был сделан в свое время с нарушением строительных норм – по крайней мере, так мне подсказывали здравый смысл и мои скудные представления об этих самых нормах. Потолок и вправду был низким, что, наверное, не позволяло использовать это помещение как полноценную хозяйственную подсобку. Вход в помещение, откуда коммунальные работники выкатывают тележки с мусором из мусоропровода, был с другой стороны здания и выглядел гораздо ухоженнее.

Кроме того, когда-то в незапамятные времена пол подвала был залит бетоном, или цементом, или как там еще называют эту смесь; от этого покрытия остались отдельные островки, а куски отколотых серых плит были кое-где сложены в виде скамеек. На одной такой скамейке даже сохранилась расплюснутая газета – на ней точно сидели, и, возможно, не раз.

А большая часть пола представляла собой засыпанную городским мусором и притоптанную землю.

На полу нарисованы магические символы, круги, звезды – начерчены, присыпаны солью и рисом. Огрызки обычных и церковных свечей, какие-то черные и красные затхлые лохмотья, мелкие монетки...

– Ну что? – спросил Ларри.

– Погоди.

Я ушла в один из углов и стала там крутиться.

Здесь лежала вверх дном старая чугунная ванна. Под нее были продеты резиновые транспортные жгуты с крючками... почерневшими, ржавыми... заросшими страшной черной грязью...

– Заточка, – сказал Чед, указывая на названный предмет кончиком чоппера, – тряпки, остатки бензина в канистре, крючки какие-то...

– Что искать, Ник? – спросил Вася. – Наугад мы это дело будем мильен лет рыть.

– Я нашла уже, Вась... вот тут... что-то такое... тут лилась кровь...

– Человеческая? Ребята, ванну приподымите...

– Не уверена, Вась... но лилась... и тут кричали... и... умирали...

– Ладно, – сказал Ларри. – Ребята, лопаты из багажника, и контрольные ямы... тут, тут и вон там. Полметра-метр. Дрянной домик.

Чед обнял меня за плечи:

– Ники, может, уйти?...

– Женька... я не могу. Я Талисман активировала, Наставница поможет. Она далеко сейчас, на другом континенте, но Силу протянула. И информацию. Чтобы мне тут понять было проще.

Менты, спустившись снова, начали копать. Свет от фонарей выхватывал отдельные углы помещения.

По три-четыре квартиры на этаж. По одному-шесть человек на квартиру. И скорее всего, эти люди понятия не имели, что под полом подъезда есть такое.

Но я знала – то, что тут происходило, сказалось на жизни каждой семьи, каждого человека этого дома. Пусть ты слеп, но если ты не видишь атомного взрыва, это не значит, что избежишь облучения.

На первом этаже в малогабаритной двушке проживал Мерлин.

Первые тридцать-сорок сантиметров.

– Давайте, что ли, пока в квартиру гражданина Евсеева поднимемся? – посмотрев на меня, сказал Васька. – А вы копайте, копайте. Мы недолго.

Я бросилась к выходу. Вдохнула ночного свежего воздуха, вошла в подъезд.

– А так – законно? – поинтересовался Чед.

– Да не совсем, – ответил Ларри, забирая у меня связку ключей. – Может, это все между собой и никак не связано. Ники, знать бы еще, что мы ищем. Я ребят-то пригнал, но мне потом отчитываться... Ну этот... Мерлин... растяпа, тут и старые ключи болтаются... Э!

Да, мы с Женькой тоже видели. Дверь в квартиру Мерлина не была заперта. Она была выбита и затем плотно и аккуратно прикрыта. Ларри отошел в сторону и сбоку, как обыкновенно делают в боевиках, открыл дверь.

Пусто, чисто и тихо. Я сглатывала ком, постоянно встающий в горле.

– Мальчики, тут уже никого и ничего нет.

– Какой-то уже знакомый стиль, – проворчал Чед.

Небогатая двушка, еще хранившая чопорные запахи дам в возрасте. Около зеркала в прихожей – мисочка с украшениями, запывлившиеся помады, флаконы духов. Ларри сказал: бабушка и мама. Совсем недавно.

Пыль, запустение. Тут домашнему мальчику Олегу, привыкшему к защите со стороны сильных женщин, теперь так должно было быть пустовато и страшновато.

На столе лежал тот самый рюкзак, с которым Мерлин приходил в редакцию.

– Ноутбука нет, – сказал Ларионов. – И домашнего компьютера нет, хотя монитор, клавиатура и мышь вон валяются. И принтера. А вот банковская карточка, вот деньги, немного, но есть. В рюкзаке кошелек. Паспорт у нас, а вон на буфете документы, ага... медицинское страхование... надо взять... и тут еще три связки ключей.

– Забирали носители, – буркнул Женька. – Зачем? Ну не ради же фотки Иисуса?... Ерунда какая-то...

– Ключи – бабуля, мама... девушка?...

– Видимо. Одна связка вправду поновее. В общем, тут особенно делать нечего.

Ларри забрал зелененькую карточку, мы вышли. Совместными усилиями ребята наладили и как-то заперли один из замков.

– Карточку и ключи закину Таньке, – сказал Ларри.

В подвале скопились приличные отвалы. Грязь, бутылки, мусор, ржавчина, куски бетона. Две ямы примерно по метру, в третьей неохотно ковыряются полицейские. Еще бы – ночь, спать хочется.

– Ладно, – сказал Ларри. – Мимо. Собираемся и...

Один из полицейских скребанул лопатой по толстой пластиковой пленке...

Я тихо-тихо завывала и забила под мышку Чеду.

Все трое полицейских стали вдруг немногословны и исключительно деловиты. Васька вынул нож, напялил перчатки, нагнулся. Разрезал пластик. Тут же ударило одуряющее зловоние... Ларри приоткрыл край пластика – блеснули обнаженные зубы черепа.

– Ну все, – сказал Ларионов, меняя тон. – Теперь следаков. Экспертизу... Женьк, убери ее отсюда. Ну убери уже.

Глава 5

Убежище от неприятностей

*Вторник находится под покровительством
Марса, любителя неожиданных событий*

– Ну вот и твой офигенно сильный самурай с киселем, – зло сказал Чед. – Попался.

– Это н-не он уб-бивал, – проныла я. Мы стояли около входа в подвал, в теплой ночи; я как в бреду наблюдала подъезжающие машины, особые машины. – Там н-ни одного... его... нету.

Чед помолчал. О некоторых вещах нельзя не спросить, но и знать не хочется. Я ощущала сильное физическое недомогание – наверное, впервые в жизни. Но витальная энергия, хоть и опосредованная, у меня была, и тонкие нити Силы Наставницы как-то держали, помогали все точно осознавать и фиксировать рассудком.

– Сколько их там?

– Женька... тринадцать.

– Ну конечно... – И мы обнялись плотнее.

Из подвала вылез слегка перепачканный Ларри, подошел, показал пакетик с черной половинкой символа Инь-Ян на дешевенькой цепочке, забитой землей. Я пискнула. Потом унес пакетик в сторону одной из машин.

– Никусь, – сказал Чед. – Давай домой?

– Давай...

Так же обнявшись, пользуясь попустительством Васи, глухой ночью мы вернулись ко мне. Квартира уже не казалась убежищем от любых неприятностей.

Матрас, на котором валялся Мерлин, будил нехорошие ассоциации.

Я налила и хлопнула полстакана красного.

– Ники, – виновато сказал Чед, – мне ехать надо.

– Ты ш-ш-што, оставишь меня одну?

– Да и тебе... часа через четыре вставать на работу.

Работа.

Дорогая редакция! Спецвыпуск! Да и просто очередной номер...

– Ты надолго уезжаешь? Куда?

– Да у меня только сегодня вечер и был. Я улажу свои дела и вернусь. Собирался уехать на неделю, но раз так, уложусь в день-два. И уже от тебя никуда, ни-ни.

– Давай тогда по последнему горшку с мясом... и... я тебя хоть проводить выйду...

– Ники, береги себя. Очень береги, – жестко сказал Чед. – Вы, мои девчонки, тут без мужиков, считай, остаетесь. Танька вышибла последнего хахалю, а ты... может, Васька что-то завтра придумает. Охрана свидетелей. Должен придумать.

– Придумает. – Я была заторможена, а в голове из-за активированного Наставницей яснознания проскакивали ужасные картинки. Лечь бы и выспаться!

Но как спать, если я знаю – в паре кварталов Васька не дремлет; под руководством мрачной тетки габаритов сто тридцать на сто тридцать, гения судмедэкспертизы, в особую машину грузят черные мешки?...

Чед смотрел виновато.

Я махнула рукой:

– Спустишь. Наломаеть мне сирени?

– Не вопрос. – Женька улыбнулся. Как я наизусть знала все его любимые блюда и напитки, все, чем мой друг детства обожал набивать свое плоское поджарое брюхо, так и он был в курсе: ландыши, сирень, белый шиповник, жасмин, розовый шиповник, жимолость...

Мы снова спустились с моей крыши мира. Я совсем не была готова к тому, чего обычно постоянно жаждала, – к одиночеству. То, что Женька уезжал, а я оставалась лицом к лицу со всем, что произошло, повергло меня в страшное уныние. Однако по примеру Скарлетт О'Хары я решила подумать об этом завтра.

Тем временем Чед залез в пышные кусты сирени, наломал охапку веток. Вылез, протянул добычу мне. На душе немного полегчало... я зарылась лицом в ароматные кисти, и мы двинули к мотоциклу Чеда – он на ходу надевал шлем и вдруг завис.

На его коне сидела девушка.

На мой мгновенно избавившийся от сонливости взгляд, это была сальфида, фея, сама любовь. У меня нет бедер, нет талии, почти нет груди, а плечи выступают острой буквой «Т». Везде торчат или кости, или тонкие жилки. А эта была словно вылита из капли молока с медом – все плавное, идеальное, талия наверняка меньше моей, а бедра шире; короткое простецкое светлое платье, на ногах обычные балетки, и распущенная волна волос – темные завитки по пояс...

Черты лица соответствовали фигурке – Барби отдыхала у психоаналитиков, спасаясь от комплекса неполноценности.

Но, видимо, в девице было что-то еще. Что-то, помимо идеальных черт внешности, потому что...

Чед встал как вкопанный. А он только на внешность никогда не велся. Потом мой друг, не сводя с незнакомки глаз, потянулся к букету... и отщипнул от моей – моей! – сирени маленькую веточку.

Подошел к мотоциклу:

– Барышня, рад приветствовать на своей территории.

– Твой транспорт? – лениво, чуть растягивая словечки, спросила красавица. – Есть второй шлем?

Я стояла разве что рот не разинув.

Девушка тем временем, бросив на меня короткий нейтральный взгляд, пристроила сирень куда-то у выреза. Чед приосанился. Он бросал меня в неоднозначной ситуации. Он торопился. Но мужчины устроены как-то по-особому, я эти дефектные винтики в мозгу у особей противоположного пола уже неплохо изучила.

– Куда поедет? – Второй шлем лежал у него под сиденьем.

– Ты подбрось меня, – мурлыкнула незнакомка. – Я что-то поздно сегодня, машин нет совсем, голосуй не голосуй. А домой хочется... дома постелька, вина бутылочка...

Я кое-как собрала упавшую челюсть.

– Чед, ты по делам ехал... – Как там Танька говорит? Все мужики – козлы!

– А может, ей по дороге, – возразил мне Чед. Мое яснознание некстати высверкнуло краткий кадр, идею Чеда относительно того, где и как можно провести время с незнакомкой. По дороге.

У меня не было ни малейшего сомнения в том, что красотка – нимфоманка. Это я и Увидела, и поняла. Ей повезло с такими данными. Секс, секс, много секса – это, и только это плавало на верхушке ее сознания, откровенно и неприкрыто, а остальная часть личности была упрятана в глубокие недра, нырять куда я не рискнула. Вдруг там то же самое?

Много секса у девицы ассоциировалось с парнем, который ездит на мотоцикле или на джипе. Ну понятно.

Тем временем я опомнилась.

Чед регулярно заводил девушек, а уж сексом занимался, наверное, больше нас всех троих, включая женатого ныне Ваську. Могу ли я мешать развлечению друга? Не могу! Да и не стану, не мое дело. Хотя постелька и бутылочка вина были и у меня.

– Ну, я пошла, – сказала я. – Женька, я тебя, считай, проводила.

– Ники, – Чед чуток опомнился, – если что, сразу звони.

– Ага...

Я поднялась вверх. Поставила сирень, включила компьютер, потребовала двойной эспresso у кофемашины и приступила к тексту спецвыпуска. Как ни странно, сосредоточенность на работе пришла быстро, помогла отвлечься от Чеда и прочих неприятностей...

И как только фразы гладко полились на экран монитора, требовательно задержалась ниточка Силы с другого континента.

Я глянула на часы – 4:26. По московскому времени начинались 27-е лунные сутки – сутки мудрости и медитации.

Я приняла позу медитации, сев на освобожденный Мерлином матрас. Наставница могла и просто позвонить по телефону, но она желала передать мне информацию вместе с Силой, причем немедленно, так как не могла больше поддерживать контакт на таком расстоянии и готовилась его прервать.

Сосредоточилась, открылась...

«Суккуб».

Суккуб? Суккуб, суккуб... Средневековье какое-то.

Не сразу поняв, о чем речь, я затем подпрыгнула и звезданула себя ладонью по глупой башке. Суккуб! Легенды оживали на глазах; корявые надписи в старых книгах делались кошмарной явью, а мой самый лучший на свете ясновельможный пан Чедерецкий уехал на своем мотоцикле в обществе суккуба.

В броске я снесла со стола телефон, одновременно нажимая на кнопки...

– Че-ед! Чед, Женька, Че-ед!

Молчание.

Абонент заблокирован или временно недоступен.

– Ла-арри-и!!!

– Ник, потом...

– Ларри, останови Женьку, он уехал с девицей...

– Ник, ты спятила? Тут у меня такое... сама же...

– Ларри, она демонесса! Он в опасности! Дай свисток гаишникам, пусть тормозят и сажают, а ее вытуривают или тоже сажают, но подальше и в клетку...

– Кто демонесса? Ники? Что за чушь несешь?

– Ларри! Послушай меня! Останови Чеда! Немедленно! Он отсюда уехал минут сорок назад...

– В какую сторону?

– Я не видела... не знаю...

– Ник, я постараюсь. Но ты имей в виду, может, Чеду демонесса сейчас самое то. Стресс снять.

– Ларри! Это серьезно!

– Ник, я понял. Я сам не в себе слегка. Давай, пока...

Я посмотрела на телефон...

И безнадежно разрыдалась, горько, во весь голос; бросилась на матрас и рыдала, не в силах остановиться. Все было очень, очень страшно. Всхлипывая, я постепенно теряла активацию, теряла силы и засыпала, засыпала...

Когда я проснулась, солнце уже било в мои окна с юго-востока. Заходило оно к вечеру, освещая другой угол квартиры, но присутствовало в моем жилище целый день.

Я лежала, вцепившись в обморканную и обрванную майку Васьки, забытую тут после какого-то водопроводно-сантехнического подвига. В чем он тогда ушел, я не помнила, но майка прижилась. Я ее то стирала и даже гладила, чтобы торжественно отдать, то надевала как домашний халат, решив купить Ларионову новую; иногда одежда пригождалась Чеду – внатяг на плечах и свободно в брюхе. На Ваське, который в принципе был того же размера, только ниже сантиметров на десять, майка сидела наоборот: в плечах свободно, на брюхе туго.

Я лежала на ортопедическом матрасе. С ним была связана особая история. Когда-то, когда я только училась обращаться с Даром, у меня от психологических перегрузок заклинило спину. Танька тут же напустила на меня мануальщика и невропатолога, собственноручно осуществив новокаиновую блокаду... но мальчишки перепугались, так как за годы Васильевского не слышали от меня ни единого чиха и даже травмы-ушибы-растяжения заживали очень быстро и как бы сами собой, а тут меня пришлось, как больную кошку на лоток, дня три в ванную и туалет носить на руках.

И вот вскоре начались первые поездки Чеда за границу. Он путешествовал тогда на разваливающемся ведре с гайками по имени Тролль, который был пятидверной «Нивой». Имя получилось так. Когда страшно гордый собой, в нищие и небогатые иномарками годы, Чед показал нам обновку, Танька буркнула: «Ты бы еще троллейбус купил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.